

К ПРОБЛЕМЕ МОТИВАЦИОННЫХ ФАКТОРОВ РЕГУЛЯЦИИ ПРОЦЕССА ЗАПОМИНАНИЯ

Розглянуто теоретичні та експериментальні підходи до проблеми мотиваційних факторів регуляції процесів запам'ятовування.

Проблеме взаимосвязи особенностей памяти и мотивов, её детерминирующих, посвящено немало работ как в отечественной, так и в зарубежной психологии. Её исследование шло в основном в трех направлениях:

- изучение зависимости продуктивности запоминания от ситуационных детерминант. Индивидуальные различия в мотивационно-смысловых сферах испытуемых игнорируются. Сюда относятся изучение действия похвалы и порицания на обучение, изучение влияния препятствий, изучение успешности обучения в ситуации соревнования и т. д. Вряд ли следует останавливаться на подробном анализе ограниченности данного подхода. Как справедливо заметил Мак-Гич, существует тесная связь между действием соревнования, успеха и неудач с уровнем притязаний, имеющимся у испытуемых, с их личностными особенностями. А как раз личностный фактор в этих экспериментах игнорируется.

- второй подход делает главный акцент на личностных особенностях людей. Именно они в одинаковых ситуациях позволяют ожидать различных результатов действий разных людей. Среди теорий личностного направления можно назвать теории Вундта, изучавшего психологическую природу мотивации, Аха, введшего понятие «детерминирующей тенденции», а также концепции Ф.Бартлетта, считавшего, что запоминание и припоминание определяется установками личности, её интересами, а они, в свою очередь, зависят от особенностей социальной группы, к которой принадлежит данная личность. Воспоминание оказывается не столько отражением объективной действительности, сколько оправданием субъективных сторон личности, её установок (1). К этому же направлению относится также концепция В. Штерна, согласно которой память не есть отражение объективной реальности, а, скорее, её искажение в угоду индивидуальным стремлениям личности. Функция воспоминания заключается в том, чтобы «гарантировать личности её прошлое в приемлемой для неё форме» (1, с.18). Однако несмотря на множество спорных положений в этих теориях, главная заслуга их авторов заключается в том, что они при объяснении мнемических процессов старались идти «от личности», поставили проблему личности в центр.

- третий подход позволяет преодолеть как ситуационизм первого, так и субъективизм второго. Поведение не определяется только свойствами личности или только ситуацией. Оно обусловлено как личностными так и ситуационными факторами и, более того, является при этом результатом взаимовлияния индивидуальных особенностей и особенностей актуальной ситуации. Следует заметить, что это влияние нельзя понимать механистически, где личность влияет на ситуацию, а ситуация влияет на личность. Решающей причиной здесь становится то психологическое значение, которое ситуация имеет для данного человека. К этому направлению относятся работы Рассела, Фарбера, Спенса (изучение продуктивности запоминания тревожных и нетрвожных испытуемых в ситуациях успеха и неудач), а также эксперименты Е.Френч по изучению эффективности работы групп с высокой выраженностью различных мотивов в ситуациях соперничества и сотрудничества.

Среди работ, основывающихся на третьем подходе к изучению мотивов запоминания, особое место занимают работы советских психологов. Основная линия изучения процессов памяти в этих работах развивалась в русле так называемого деятельностного подхода, суть которого состоит в том, что в качестве общей единицы анализа мнемических процессов рассматривается деятельность субъекта. Этот подход был реализован и развит в ряде фундаментальных экспериментально-теоретических исследований (А.Н.Леонтьев, А.А.Смирнов, П.И.Зинченко, З.М.Истомина и др.), в результате которых было сформулировано его центральное положение о закономерной зависимости характеристик запоминания материала от его места в структуре деятельности. Наиболее интересной, на наш взгляд, является одна из работ П.И.Зинченко, посвященная выявлению различий в запоминании при разных мотивах деятельности у детей дошкольного и младшего школьного возраста. Результаты показали, что, во-первых, разные задачи дают неодинаковую продуктивность произвольного запоминания в пределах каждого мотива. Во-вторых, разные мотивы дают неодинаковые результаты в пределах каждой задачи. У дошкольников лучшие показатели запоминания были получены при игровой мотивации, у школьников - наоборот, лучшее запоминание наблюдалось под влиянием учебных мотивов. П.И.Зинченко делает вывод, что продуктивность запоминания зависит от отношений мотива и задачи. Кроме того, «эти отношения будут разными в зависимости от содержания самого мотива, от того, какое место он занимает в мотивационной сфере личности» (2, с. 239).

Однако по мере развития данной концепции все более отчетливо стал вставать вопрос о взаимоотношении самих понятий «память» и «деятельность». Можно выделить две основные точки зрения на ха-

рактер такой связи: 1) память есть побочный продукт деятельности, зависящий от её организации и содержания; 2) память есть особая самостоятельная мнемическая деятельность со своим особым операциональным составом. В русле деятельностной концепции связь памяти и деятельности рассматривалась только в одном направлении - в плане зависимости памяти от структуры деятельности и индивидуальных способов её осуществления. Деятельность выступала единственным объяснительным принципом функционирования памяти, тогда как последняя как бы утрачивала свои собственные закономерности. Несмотря на утверждение активной природы памяти, эта активность у большинства исследователей приобретала как бы второстепенный характер, сводясь к сохранению и воспроизведению других, более продуктивных познавательных процессов - восприятия, мышления; эффективность памяти ставилась в прямую зависимость от уровня их активности. При этом продуктивные и регулирующие функции памяти в организации деятельности оставались вне поля зрения большинства исследователей. Однако в последующих работах зарубежных исследователей (Бродбента, Сперлинга) и ряда советских психологов (Б.Ф.Ломова, В.П.Зинченко, В.Ф.Рубахина, М.С.Шехтера, Р.М.Грановской и др.) было показано, что память уже на самых ранних этапах поступления информации на сенсорный вход человека осуществляет активный отбор, фильтрацию входной информации, влияя на содержание формирующегося образа. В свою очередь, критерии такого отбора детерминированы долговременной памятью сохраняющей эталоны, мотивационные установки и способы переработки входной информации. Таким образом, память стала осознаваться не только как продукт деятельности, но и как важнейший фактор организации и регуляции деятельности на всех этапах её осуществления.

Вместе с тем по мере развития деятельностной концепции в системе её понятий стали все более отчетливо выступать некоторые противоречивые моменты, преодоление которых наталкивалось на серьезные теоретические трудности. Разрешение этой ситуации стало возможно благодаря тому, что изучение психологической природы памяти перестроилось с операционально-технических характеристик на мотивационно-личностные. При таком подходе память выступает как инструмент мотивации и способ её существования («материализация» целей и мотивов, т.е. закрепление в памяти того, что будет необходимо для реализации деятельности). В основе такого подхода к пониманию психологической природы памяти лежит ряд положений, которые, по результатам исследований, обеспечивают высокую продуктивность запоминания разных видов материала: 1) содержание, которое в данный момент выступает как цель запоминания; 2) сам процесс запечатления требует смысловой обработки материала, а затем закрепляется

по форме, которая не может быть понята без её назначения, т.е. её отношения к будущей деятельности. Здесь акцентируется роль мотива, за которым берет начало весь мнемический процесс. Поэтому центральным объяснительным понятием интенционального («целевого») подхода является понятие ориентации на будущее как системообразующего фактора всей системы индивидуального опыта. Память в данном случае рассматривается прежде всего как условие осуществления предстоящей деятельности. Сама фиксация прошлого, с этой точки зрения, есть «функция» ориентации на будущее. Программа этой фиксации задается мотивационно-смысловыми образованиями личности. Иными словами, основной вектор развития и формирования процессов памяти идет сверху, «от личности». Вместе с тем мотивационно-смысловые образования не только реализуют себя в процессах памяти, но и преобразуют, поэтому описание основных отношений при рассмотрении проблемы «Память и личность» с позиций интенционального подхода изначально предполагает включение в него идеи обратимости этих отношений и зависимостей (3).

Эти теоретические положения, высказанные Г.К.Середой, создали возможность по-новому взглянуть на явления памяти и перспективы изучения проблемы «Память и личность». Причем принципиальную новизну представляет постановка второго аспекта проблемы, т.е. проблемы памяти как интрапсихологического творчества личности. Г.К.Середа подчеркивает, что область действительного творчества памяти - это не познавательная сфера, а сфера формирования личности. При этом память не создает личность своими средствами. Основа формирования личности - индивидуальный опыт как «совокупность взаимоотношений между человеком и объективным миром». Однако если бы продукты этого опыта сохранялись в человеке в том же разобщенном виде, в каком они ему первично даны, они никак не могли бы в нем взаимодействовать. Объединяя эти элементы в некоторую целостность, память осуществляет именно психологическое творчество личности.

Экспериментальное изучение отношений и зависимостей в системе «память-личность» связано со многими трудностями методического плана, так как не может быть реализовано посредством разовых лабораторных проб и наблюдений. По мнению Г.К.Середы, здесь необходимы либо специальные лонгитюдные исследования, предполагающие организацию больших систем взаимосвязанных действий, либо отдельные пробы на выявление строго прогнозируемых изменений в условиях столь же строго подбираемых и варьируемых переменных. В наиболее общем виде методическая стратегия изучения проблемы предполагает конструирование экспериментальных ситуаций двух типов:

- выявляя в эксперименте характер сложившейся ориентации на будущее (наличные мотивационно-смысловые установки и диспозиции испытуемого), а также задавая и изменяя эту ориентацию, изучать зависимость продуктивности запоминания элементов и частей сложного экспериментального материала от степени их релевантности соответствующим мотивам, установкам, целям.

- изучать обратное влияние запоминания материала, естественно, обусловленного наличными мотивами, на реконструкцию самих мотивов, установок, целей посредством организации деятельности с «конкурентноспособным» материалом.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что проблема «Память и личность» может быть сформулирована как проблема взаимосвязи памяти и мотивационной сферы личности. Эта идея представляется нам вполне перспективной в плане экспериментального исследования и позволяет выдвинуть общую гипотезу о том, что определенная структура мотивационной сферы личности оказывает специфическое влияние на продуктивность процесса запоминания, которое обусловлено характером и степенью выраженности преобладающего мотива, а также типом взаимодействия мотивов между собой. Свою дальнейшую задачу мы видим в том, чтобы показать эту взаимосвязь на конкретном психологическом материале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов А.А. Проблемы психологии памяти // Избр. психол. труды. - Т.2. - М.: Педагогика, - 1987. - 344с.
2. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание. - М., АПН РСФСР, - 1961. - 562с.
3. Середа Г.К. Память как механизм системной организации индивидуального опыта // Вестник ХГУ. - 1982. - №224. - с. 10-17.
4. Середа Г.К. Память и личность // Актуальные проблемы современной психологии. - Харьковский госуниверситет. - 1993. - с. 41-43.

А.П. СВЕТЛИЧНЫЙ

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И ВЗАИМОСВЯЗИ УРОВНЕЙ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ

У цій роботі дискутуються результати дослідження взаємоз'язку та конфліктності різних рівней ціннісно-смысловой сфери. Подаються результати факторного аналізу по шкалам Цінність та Доступність, які пояснюють смислові напрямлення, які в свою чергу, додають основні кластери цінностей і зони конфліктності.

Подвижное, постепенно меняющееся в процессе деятельности и в зависимости от жизненных обстоятельств соотношение между двумя "плоскостями" сознания, где первая вмещает осознание ведущих ценностей, смыслов, дальних целей (смысловой уровень), вторая - плоскость доступных, легко достижимых целей (уровень психологической реализации), является одной из основных детерминант ценностно-мотивационной сферы [1]. Изучение соотношения этих психологических "плоскостей", конфликтности, которая, связана с их взаимодействием, а также противоречия, присущего каждой из них, являлись основными задачами данного исследования. С целью изучения данных особенностей ценностно-смысловой сферы нами была использована методика Е.Б.Фанталовой "Уровень соотношения "Ценности" и "Доступности" в различных жизненных сферах"[4]. В методике предлагается набор из ряда терминальных ценностей теста М.Рокича, которые необходимо попарно сравнить друг с другом по критериям Важности [Ц] и Доступности [Д]. По результатам парных сравнений вычисляется разность между важностью и доступностью по каждой ценности, а так же интегральный показатель |Ц-Д|, фиксирующий расхождение между смыслообразующим мотивом и механизмом целеполагания, ответственным за реализацию этого мотива, разрыв между потребностью достижения и его возможностью, между хочу и имею, есть и должно быть, хочу и могу [4]. В данном исследовании были изучены особенности взаимосвязи показателей Ценности и Доступности, а также выявлены смысловые плоскости (объединяющие факторы), стоящие за ценностными взаимосвязями.

Для сопоставления с показателями модифицированного теста Е.Б.Фанталовой были использованы метод исследования согласованности ценностно-смысловой сферы путем выявления нетранзитивности (нетранзитивных триад ценностей) [3] и тест "Смыслжизненных ориентаций" (СЖО) Л.Махолика и Д.Крамбо [6] (в адаптации Д.А.Леонтьева [2]), разработанный на основе теории стремления к смыслу и логотерапии В.Франкла.

В исследовании принял участие 81 человек (студенты различных ВУЗов) в возрасте 18-25 лет. Первоначально данные по показателям Ценности и Доступности были подвергнуты раздельной факторизации (по методу главных компонент, с последующим нормализованным вейсмакс-вращением). По каждой из шкал были выделены два главных фактора, являющихся смысловыми осями, которые определяют взаимоотношения между конкретными жизненными сферами (табл 1). Эти смысловые оси оказались биполярными, содержащими взаимно противоположные ценностные группировки, что свидетельствует о изначальном противоречии, наличии конфликтных смыслов, присутствующ-

щих в системе ценностей и определяющих особенности и характер её функционирования.

Факторы, выделенные по шкале Ценность, описывают взаимосвязи и проблематику смыслового уровня.

Первый фактор характеризует проблему выбора жизненных ориентиров. Ценности группируются следующим образом: "Творчество", "Познание", "Красота природы и искусства", "Свобода" (один полюс) vs "Признание", "Материально обеспеченная жизнь", "Развлечения", "Друзья"(противоположный полюс фактора). Здесь видна дилемма "иметь или быть", выбор между самореализацией и достижением определенного социального статуса и достатка.

Второй фактор демонстрирует проблему выбора источника жизненной стабильности. Ценностные взаимосвязи таковы: "Любовь", "Счастливая семейная жизнь", "Уверенность в себе" vs "Жизненная мудрость", "Интересная работа" и "Познание". С одной стороны - интимно-личностные отношения и семья, создающие жизненную базу, атмосферу принятия, социальный статус, формирующие уверенность в себе. С другой стороны - приобретение жизненного опыта, зрелости, создание жизненной базы в познании и профессиональной деятельности.

Факторы, выделенные по шкале Доступности, показывает характеристики уровня психологической реализации, взаимосвязи и проблематику имеющихся возможностей и ресурсов.

Первый фактор прежде всего описывает различия в образе жизни. Это "Друзья", "Здоровье", "Счастливая семейная жизнь" vs "Познание", "Творчество", "Развлечения" и "Красота природы и искусства". Здесь показан уже совершенный выбор, в настоящее время человек обладает либо "классическим", "обывательским" набором благ, либо реализующий себя в ценностях творчества и переживания.

Второй фактор наиболее сложен в интерпретации. Это "Признание", "Материально обеспеченная жизнь", "Интересная работа" vs "Свобода", "Уверенность в себе". Скорее всего, здесь имеет место оппозиция зависимость от социальных благ - автономность.

Совместная факторизация шкал Ценность и Доступность показала, что между ними существует взаимосвязь лишь по нескольким параметрам: доступность показателей "Познание", "Творчество", "Развлечения" и "Красота природы и искусства"(один из полюсов первого фактора по Доступности - реализованность в творчестве и познании) связана со значимостью ценностей "Любовь", "Счастливая семейная жизнь", "Уверенность в себе"(один из полюсов второго фактора по Ценности - источник жизненной стабильности).

Как мы видим, сферы ценного и доступного (уровни смыслов и психологической реализации) находятся в различных, но взаимосвязанных и взаимодополняющих смысловых плоскостях.

Далее, для выявления особенностей исследуемой группы, был проведен кластерный анализ, в качестве дифференцирующих критериев которого выступали показатели Ценности и Доступности. Были выявлены два неравных кластера, две подгруппы испытуемых в 58 и 23 человека, между которыми не обнаружено значимых различий по общим (количественным) показателям внутренней конфликтности (расхождения [Ц-Д]), нетранзитивности (согласованности ценностной системы) и осмысленности жизни. В подгруппах также нет различий в процентном соотношении мужчин и женщин. Данный факт показывает, во-первых, что в исследуемой группе имеется два генеральных типа ценностных предпочтений. Во-вторых, эти ценностные предпочтения являются равнозначными, определяют направленности личности, и эти базовые направленности не связаны и не определяют различия в степени когнитивной сложности, конфликтности или осмысленности жизни.

В первой (большей по количеству испытуемых) подгруппе ценностными приоритетами являются "Друзья", "Счастливая семейная жизнь", "Здоровье", "Любовь" и "Уверенность в себе". Наиболее недоступны "Счастливая семейная жизнь", "Здоровье" и "Жизненная мудрость". Следовательно, для первой подгруппы зоны самого ценного и недоступного совпадают. Подгруппа ориентирована на семейные, интимно-личностные отношения, которые и являются конфликтной сферой (плюс обеспокоенность в сфере здоровья)(рис.1).

Во второй (меньшей) подгруппе ведущими ценностями являются "Уверенность в себе", "Свобода" и "Творчество". Наиболее недоступными являются "Любовь" и "Счастливая семейная жизнь". При том, что показатель общего конфликта совпадает с таковым по значению в первой подгруппе, положение дел здесь выглядит более гармоничным, поскольку значимость наиболее недоступного несколько смещена с первых мест ценностной иерархии на второй план, оставаясь при этом в зоне внимания. Отсутствует тревога в отношении здоровья, выше значимость ценностей Красота природы и искусства" и "Познание" (рис.2).

Далее, были определены различия по шкалам Ценность и Доступность между двумя выделенными подгруппами (рис 3.). С помощью t-критерия Стьюдента были установлены уровни значимости этих различий. Показатели подгрупп по шкале Ценность в сферах "Здоровье", "Любовь" и "Свобода", занимающие достаточно высокое положение в обеих иерархиях, не отличаются значимо. В меньшей подгруппе значимо выше показатели Ценности "Красота природы и искусства",

Кластер 1. Группа 58 человек.

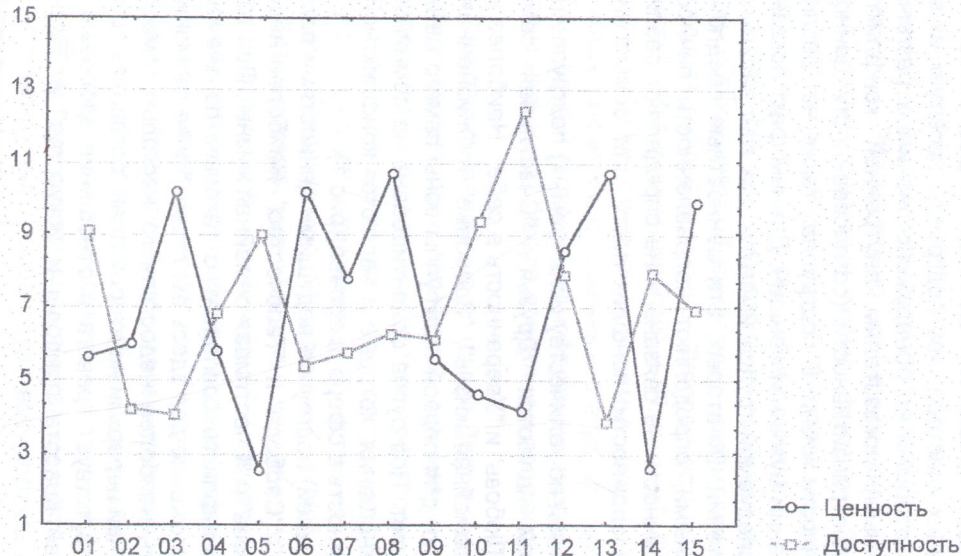

Рис 1. Цифрам по шкале абсцисс соответствуют понятия, означающие следующие ценности: 1 - "Активная деятельная жизнь"; 2 - "Жизненная мудрость"; 3 - "Здоровье"; 4 - "Интересная работа"; 5 - "Красота природы и искусства"; 6 - "Любовь"; 7 - "Материально обеспеченная жизнь"; 8 - "Друзья"; 9 - "Признание"; 10 - "Познание"; 11 - "Развлечения"; 12 - "Свобода"; 13 - "Счастливая семейная жизнь"; 14 - "Творчество"; 15 - "Уверенность в себе".

Рис 2. Цифрам по шкале абсцисс соответствуют понятия, означающие следующие ценности: 1 - "Активная деятельная жизнь"; 2 - "Жизненная мудрость"; 3 - "Здоровье"; 4 - "Интересная работа"; 5 - "Красота природы и искусства"; 6 - "Любовь"; 7 - "Материально обеспеченная жизнь"; 8 - "Друзья"; 9 - "Признание"; 10 - "Познание"; 11 - "Развлечения"; 12 - "Свобода"; 13 - "Счастливая семейная жизнь"; 14 - "Творчество"; 15 - "Уверенность в себе".

Рис 3. Цифрам по шкале абсцисс соответствуют понятия, означающие следующие показатели по шкалам Ценность и Доступность: 1 - "Активная деятельная жизнь"; 2 - "Жизненная мудрость"; 3 - "Здоровье"; 4 - "Интересная работа"; 5 - "Красота природы и искусства"; 6 - "Любовь"; 7 - "Материально обеспеченная жизнь"; 8 - "Друзья"; 9 - "Признание"; 10 - "Познание"; 11 - "Развлечения"; 12 - "Свобода"; 13 - "Счастливая семейная жизнь"; 14 - "Творчество"; 15 - "Уверенность в себе".

Таблица 1. Факторы, полученные при отдельной факторизации шкал Ценность и Доступность модифицированного теста Е.Б.Фанталовой.

Сферы.	Ценность-1 фактор	Ценность-2 фактор	Доступность-1 фактор	Доступность-2 фактор
1."Активная деятельная жизнь"	.018	-.228	-.153	-.184
2."Жизненная мудрость"	.009	-.590*	.392	-.235
3."Здоровье"	-.197	-.098	.472*	-.161
4."Интересная работа"	-.220	-.586*	-.152	-.495*
5."Красота природы и искусства"	.645*	.017	-.498*	-.246
6."Любовь"	-.057	.734*	.358	.294
7."Материально обеспеченная жизнь"	-.674*	-.319	.029	-.612*
8."Друзья"	-.489*	-.019	.582*	.316
9."Признание"	-.693*	.050*	.319	-.647*
10."Познание"	.651*	-.444*	-.758*	.071
11."Развлечения"	-.498*	.127	-.567*	-.050
12."Свобода"	.433*	.305	-.023	.666*
13."Счастливая семейная жизнь"	-.324	.549*	.423*	.161
14."Творчество"	.827*	-.057	-.704*	.112
15."Уверенность в себе"	.182	.418*	.058*	.646*

"Познание", "Свобода" и "Творчество", и ниже "Материально обеспеченная жизнь", "Друзья", "Признание", "Развлечения" и "Счастливая семейная жизнь". Как мы видим, дифференцирующим эти подгруппы признаком является выделенный нами первый фактор по Ценности "самореализация - ориентация на достаток". Фактор выбора источника жизненной стабильности "интимно-личностные отношения - профессиональные отношения" не является дифференцирующим и оказывает общую дилемму для обеих подгрупп.

По шкале Доступность между подгруппами значительно больше сходств, нежели различий. В меньшей ("самореализационной") подгруппе значимо выше доступности сфер "Жизненная мудрость", "Здоровье", "Красота природы и искусства", и ниже показатели по сферам "Свобода" и "Уверенность в себе", нежели в большей ("ориентированной на достаток"), что вполне логично и дополняет интерпретацию по шкале Ценность. Остальные сферы не имеют значимых различий по уровню доступности. Можно заключить, что наблюдаемое подобие в развитости уровня психологической реализации этих двух подгрупп может говорить как об однородном воздействии окружающей среды (все испытуемые находятся в равных "жизненных условиях"), так и о сходном восприятии, оценке своих способностей и возможностей реализации себя в той или иной деятельности. Выделенные ранее по шкале Доступности факторы являются латентными, и определяют вариативность каждой из этих подгрупп.

Относительно зон конфликта Ц-Д также существуют как сходства, так и различия. Для "группы самореализации" значимо более актуальной является недоступность ценностей "Свобода", "Уверенность в себе" и "Творчество", для "группы социального достатка" значимо более проблематичны зоны "Здоровье" и "Материально обеспеченная жизнь". Наблюдается общее для обеих групп расхождение между ценностью и доступностью (Ц-Д) в сферах "Любовь", "Друзья" и "Счастливая семейная жизнь".

Таким образом, мы установили, что ценностно-смысловая система является сложным, многомерным и внутренне противоречивым образованием. На уровне анализа социальных групп эта противоречивость может служить критерием их дифференциации. Выделение двух базовых кластеров продемонстрировало как устойчивые ценностные предпочтения и зоны конфликта, общие для всех испытуемых, так и определяющие их различия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988.
2. Леонтьев Д.А. Тест смысловых ориентаций (СЖО). - М.:Смысл, 1992.

3. Паповян С.С. Математические методы в социальной психологии. - М.: Наука., 1993.

4. Фанталова Е.Б. Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов // Психологический журнал Т.13. № 1, 1992 . с.107-117.

5. Франкл В. Основы логотерапии. - В сб.: Человек в поисках смысла. - М.: Прогресс, 1990.

6. Crumbaugh J.S., Maholick L.T. An experimental study in existentialism: The psychometric approach to Frankl's concept of noogenic neurosis // J. of Clinical Psychology, vol.20, 1964, N2, - p.200-207.

С.Г. ЯНОВСКАЯ

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ (ОПЫТ, ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ).

У статті проаналізовані зарубіжні публікації з питань психології підприємництва. Відзначена різноманітність та суперечність в тлумаченні підприємництва та особистості підприємця.

Изучение проблем предпринимательства в зарубежной психологии имеет достаточно длительную историю существования. Анализируя публикации, характеризующие личность предпринимателя, можно выделить две исследовательские традиции - психодинамическую, которая указывает на первостепенную роль внутриличностных факторов по сравнению с факторами среды в становлении потенциального предпринимателя, и социодинамическую, которая переносит акцент на выявление ситуационных факторов в становлении предпринимателя.

Так, один из представителей социодинамического подхода, американский психолог Р.Хизрич (4) выделяет следующие факторы, отличающие предпринимателей от не-предпринимателей: семейное окружение в детстве, образование, опыт работы, возраст и личные ценности. Ключевым моментом в формировании предпринимательской направленности личности Р.Хизрич считает социальное научение через усвоение ролевых моделей предпринимательского поведения еще в детском возрасте. Базовым механизмом усвоения ролевых моделей предпринимательского поведения является социальное сравнение. Именно функционированием данного механизма можно объяснить неизбежное присутствие в окружении будущего предпринимателя реаль-

ных предпринимателей в лице родителей, родственников, знакомых и т.д. Помимо фактора социального научения, Р.Хизрич выделяет факторы профессионального и чисто предпринимательского опыта, зависящие также от особенностей ситуации становления будущего предпринимателя.

В рамках психодинамического подхода, изучающего интрапсихические факторы предпринимательства, исследователи решали задачи выявления личностных переменных и структур, которые выделяют потенциального предпринимателя из общей популяции, отличают успешных предпринимателей от неуспешных и поддаются развитию посредством тренингового воздействия. Среди работ этого направления большое место занимают публикации, содержащие списки психологических характеристик, входящих в "предпринимательский личностный профиль". Наиболее часто в эти списки попадают такие характеристики как: мотивация достижения, интернальный локус контроля. Склонность к риску и инновативность.

Итак, мотивация достижения является неотъемлемым атрибутом "предпринимательских профилей". Для мотивационно-динамической стратегии исследования личности предпринимателя характерна теоретическая посылка, состоящая в том. Что в каком-либо одном динамическом образовании - в данном случае в потребности достижения - сконцентрированы свойства личности предпринимателя как целого.

Фактически первым психологическим исследованием личности предпринимателя является исследование мотивации достижения у бизнесменов, осуществленное Мак-Клелландом в начале 60-х годов (7,8).

Исследование, теоретическую базу которого составила теория мотивации достижения, явилось первой попыткой выяснить, имеют ли предприниматели тенденцию образовывать специфический класс, отличающийся от остальной популяции не-предпринимателей.

Дж. Мак-Клелланд считал, что предприниматель - это личность с заведомо высокой мотивацией достижения, обладающая некоторыми характерными особенностями. Такими как: ответственность за результаты деятельности, поиском немедленной обратной связи, средним уровнем риска, отношением к прибыли как к мере успеха и др. По мнению Мак-Клелланда потребность достижения приобретает человек в опыте раннего детства и ее наличие или отсутствие может быть обнаружено уже в 6-7 лет. У взрослого человека данную потребность можно изменить, но сформировать заново нельзя, что и должно служить основой диагностики предпринимательских способностей.

Эмпирические исследования личности предпринимателя в русле концепции мотивации достижения включали три этапа. В ходе первого этапа лонгитюдного исследования Мак-Клелланд обнаружил, что школьники с высокими оценками уровня мотивации достижения де-

монстрируют предпочтение профессионального статуса предпринимателя. Второй этап исследования показал, что 83% школьников, ставших впоследствии предпринимателями, имели высокие показатели мотивации достижения на первом этапе исследования, и лишь 21% школьников, выбравших профессии вне бизнеса, демонстрировали аналогичные показатели семнадцать лет назад. Тестирование бывших студентов колледжей через семь лет после его окончания показало аналогичные результаты: 60% предпринимателей по сравнению с 41% не-предпринимателей имели высокий уровень мотивации достижения, когда были первокурсниками.

Третий этап исследования, проведенный в рамках тренинговых программ развития мотивации достижения у бизнесменов, показал, что в 48% случаев повышение мотивации достижения в результате тренинга ведет к резкому возрастанию деловой активности, к повышению успешности предпринимательской деятельности. Следовательно, по мнению Мак-Клелланда, высокий уровень мотивации достижения не только предопределяет профессиональный выбор, но и обеспечивает успех в предпринимательской деятельности.

Однако исследования, проведенные в дальнейшем другими авторами не давали таких однозначных результатов, в связи с чем выдвигались мнения о концептуальной неясности понятия мотивации достижения и методической неточности проективной техники ее измерения.

Другой подход к исследованию личности предпринимателя в рамках мотивационно-динамической теории был реализован представителем французского психоанализа Кетс-де-Вризом (5,6). В рамках данной модели предприниматель до его успехов в бизнесе рассматривается как девиантный психологический тип с низкой терпимостью к фрустрации и напряжению, и низким объемом внимания, стремящийся к немедленному выигрышу и удовлетворению.

Кетс-де-Вриз определяет психотип предпринимателя как импульсивный невротичный стиль поведения, для которого характерна непосредственность переживания когнитивного ответа и выражения импульса. В результате высокой импульсивности психологических процессов действия предпринимателя приобретают внезапность, скорость, его отличает кратковременное оперативное планирование для удовлетворения сиюминутной цели, в данный момент способствующей успеху деятельности.

Базовой бессознательной мотивационной тенденцией предпринимателя Кетс-де-Вриз считает стремление к разрешению и компенсации фрустраций и трудностей, перенесенных в детстве и связанных с типом психологической семейной структуры. Кетс-де-Вриз рассматривает два основных измерения семейной структуры - степень контроля

и степень принятия ребенка родителями. По его данным, в семьях потенциальных предпринимателей отец обычно психологически удален от ребенка или долго отсутствует, что в детских фантазиях часто является синонимом отвержения. Кроме того, отец воспринимается ребенком как высоко контролирующий. Мать воспринимается также как высоко контролирующая, но принимающая. Образы родителей постепено интегрируются, и "в случае потенциального предпринимателя восприятие высокого контроля и отвержения обычно становится преобладающим паттерном" (6, с. 53).

В ответ на базовые чувства тревожности и беспокойства предприниматель вырабатывает компенсаторные характерологические приспособления: неконформистское сопротивление противостоит страху перед авторитетами, сильное честолюбие - чувству неполноценности и беспомощности, гиперактивность и импульсивность - внутренней пассивности и покорности, оптимизм и способность быстро восстанавливать силы - депрессии и тревожности. Таким образом, предпринимательские действия происходят не из внутренней силы и уверенности в себе, как в модели достижения, а являются результатом функционирования механизма компенсации, который приводит к тому, что базовые чувства неполноценности, беспомощности и тревожности оборачиваются во внешней деятельности излишней самоуверенностью, стремлением к абсолютному контролю, власти и автономии, к "отцовскому" стилю лидерства.

Основной движущей силой предпринимательской деятельности становится желание создать организационную структуру, где сам предприниматель сможет захватить контроль и осуществлять отвержение, противодействуя внутренней беспомощности и отверженности. После того, как им длительно манипулировали в детстве, предприниматель будет стремиться манипулировать сам. И поэтому символом успеха у предпринимателей является созданная ими фирма, а не прибыль, т.к. "предприятие символизирует способность предпринимателя в разрешении и компенсации фрустраций детства" (6, с. 53).

Итак, обе мотивационно-динамические концепции личности предпринимателя рассматривают его поведение как изначально устремленное к цели - успеху или компенсации детских фрустраций и выделяют только побудительный уровень мотивации, опуская ее содержательно-смысловую характеристику.

Следующая характеристика "предпринимательского личностного профиля" - интернальный локус контроля. Ряд исследований зарубежных психологов (1,2,9) показал, что уверенность в собственной способности контролировать события является даже лучшим предсказателем предпринимательских намерений, чем высокая мотивация достижения. Брокгауз обнаружил, что потенциальные предприниматели (

студенты-выпускники бизнес школ) имели более интернальный локус контроля по сравнению с теми студентами, которые намеревались стать менеджерами (1, с. 44). Этим же автором был установлен факт, что успешные предприниматели значительно более интернальны, чем разорвавшиеся.

Помимо указанных существует целый ряд исследований локуса контроля у предпринимателей, результаты которых не столь однозначны. В связи с этим была выдвинута гипотеза, что высокая мотивация достижения и интернальный локус контроля не выделяют предпринимателей как таковых, а разделяют их на успешных и неуспешных.

Еще одна неотъемлемая характеристика личности предпринимателя - склонность к риску - анализируется во многих работах (1, 3, 8, 10). Однако результаты этих исследований весьма противоречивы.

Мак-Клелландом был выявлен преобладающий средний уровень риска у предпринимателей (8). Брокгауз вообще не обнаружил разницы по этому параметру между предпринимателями и менеджерами (1). Причину следует искать в сложности феномена риска, в существовании помимо уровня риска различных его видов, компонентов и аспектов. Брокгауз выделяет три компонента риска - общую склонность к риску, воспринимаемую вероятность неудачи и воспринимаемые последствия неудачи. Вернерид предлагает соединить теорию атрибуции с теорией восприятия риска (10, с. 426), в связи с чем подчеркивает, что корректнее говорить о восприятии риска предпринимателем. А не о риске, степень которого оценивается "объективным" внешним наблюдателем. Вернерид отмечает, что предприниматели активно действуют лишь в ситуациях субъективно низкого риска. Когда они воспринимают себя как владеющих ситуацией. Уверены в том, что обладают достаточными способностями, чтобы справиться с ситуацией, т.е. определенной "иллюзией контроля".

В реальности не существует глобального риска "вообще", так как любая ситуация, связанная с риском, ставит под удар различные стороны жизни - финансовую, социальную, эмоциональную, моральную, семейную и т.д., в связи с чем выделяют соответствующие виды риска (3, с. 61). Различают также риск, связанный с владением собственностью, с контролем, с принятием решений и управлением. Таким образом, анализ исследований личности предпринимателя в контексте теории риска также не дает однозначности результатов.

Критерий инновативности тоже требует дополнительного уточнения. Необходимо разграничение понятий инновативного предпринимательства и технического творчества, инноватора в сфере бизнеса и инвентора. Инвентор - это человек, продуцирующий техническую научную идею, создающий новый продукт или процесс как новую ком-

бинацию материальных вещей. В отличие от инвентора предприниматель "сосредоточен на комбинации деятельности, на инновативной перекombинации существующих элементов деятельности, он ухватывает возможность деятельности или использует ситуацию в свою пользу, для получения прибыли" (10, с. 410). Таким образом, хотя иногда предприниматель и выступает в роли инвентора, например, в области высоких технологий, предпринимательская инновация не тождественна техническому, а подразумевает организационную, экономическую, социальную инновацию.

Итак, работа над составлением списка характеристик "предпринимательского личностного профиля" безусловно интересна, но оставляет нерешенным вопрос, что же именно позволяет человеку осуществлять предпринимательскую деятельность.

В последние годы в зарубежной экономической психологии намечается тенденция теоретического переосмысления накопленных исследовательских данных и моделей личности предпринимателя, осуществляются попытки рассмотрения предпринимательства как многомерного феномена, включающего целую систему переменных и определяемого целой системой факторов, предлагаются к рассмотрению системные модели личности предпринимателя, не ограничивающиеся односторонним анализом только внутренних или только внешних факторов его становления. Отличительной чертой этого направления является переход от идеи "психологического класса" к идее непрерывного континуума выраженности так называемых предпринимательских черт в популяции. По мнению автора наиболее разработанной в русле данного подхода модели предпринимательской личности К.-Э. Вернерида, люди не делятся на предпринимателей и непредпринимателей, а "различаются в том, сколько предпринимательских усилий они осуществляют, а также в "степени предпринимательства", включенного в эти усилия" (10, с. 440). Переход от одного полюса континуума к другому является очень плавным и подразумевает существование множества промежуточных психотипов с той или иной степенью выраженности предпринимательских характеристик у людей самых разных профессий и сфер деятельности.

Модель К.-Э. Вернерида является попыткой интегрировать основные идеи всех предшествующих исследований, осуществленных как в русле психодинамического, так и в русле социодинамического подходов. Исследователь рассматривает предпринимательскую деятельность как систему взаимодействия "личность - ситуация". При этом модель личности представлена в виде трехмерного пространства, образованного измерениями "риска", "инновации" и "целеустремленности", а модель поведения личности в ситуации построена на базе теории инстинктов В.Макдаугала. Исходя из данной

теоретической посылки, Вернерид, реконструируя предпринимательскую деятельность как систему, отвечает на три основных вопроса: во-первых, воспринимает ли человек данную проблемную ситуацию определенной "возможность" для себя; во-вторых, испытывает ли он чувство позитивного эмоционального возбуждения от таких ситуаций; в-третьих, вдет ли такая ситуация и реакция на нее к возникновению побудительного импульса к соответствующей деятельности.

Ответ на первый вопрос состоит, согласно Вернериду, в том, что восприятие проблемной ситуации как возможности реализации своих планов возникает, если риск субъективно оценивается предпринимателем как низкий, то есть предприниматель обладает "иллюзией контроля" над ситуацией и воспринимает свои навыки как релевантные ее сложности.

На второй вопрос автор модели отвечает утвердительно, полагая, что позитивное возбуждение от проблемной ситуации, оцененной как "возможность", может возникнуть, если в мотивационной структуре личности преобладают мотивы "поиска новизны" и достижения значимых целей, обеспечивающие целеустремленность деятельности личности.

Ответ на третий вопрос состоит в том, что сочетание мотивирующего эффекта поиска новизны и целеустремленности деятельности с поддерживающим эффектом "иллюзии контроля", основанной на высокой уверенности в себе, обеспечивает активизацию предпринимательского типа поведения. Иначе говоря, оценка предпринимателем определенной комбинации факторов как "возможности способствует росту чувства "возбуждения" в ответ на что-то новое и значимое. Так рождается импульс к деятельности.

Таким образом, К.- Э. Вернерид предлагает теорию взаимодействия двух факторов - личности и ситуации - оставаясь в рамках двух факторной парадигмы анализа. Используя наработки психодинамического подхода, Вернерид синтезирует теорию риска с теорией атрибуции и локуса контроля. Автор модели вводит понятие "иллюзии контроля", рассматривая не сами по себе склонность к риску и интернальный локус контроля как типичные "черты" предпринимателя, а субъективное восприятие уровня риска и оценку своих способностей как релевантных или не релевантных ситуации. Вернерид считает, что предприниматель действует только в условиях субъективно низкого риска, когда на основе высокой оценки своих способностей возникает чувство контроля над ситуацией.

Несмотря на огромный опыт исследования и развития предпринимательства, накопленный за рубежом, его механическое перенесение на отечественную почву вызывает много сомнений. Прежде всего, все существующие в зарубежной экономической психологии концепции

и эмпирические обобщения относятся к западному типу предпринимателя, тогда как отечественное предпринимательство несет на себе печать социально-культурных, исторических, экономических и национальных особенностей нашей страны.

Использование наработок зарубежной экономической психологии ограничено не только культурно-историческим контекстом, но и эклектичностью теоретических подходов к проблеме. Большинство рассмотренных концептуальных моделей личности предпринимателя основаны на отдельных объяснительных принципах, редко описывая личность предпринимателя как целостность. Их отличает отсутствие единого методологического подхода к проблеме, концентрация внимания на отдельных личностных чертах и характеристиках.

Учет вышеперечисленных особенностей необходим при использовании зарубежного опыта экономико-психологических исследований предпринимательства. Опираясь на заключения западных специалистов в области психологии предпринимательства, необходимо выявить психологическую специфику отечественных предпринимателей. Для того, чтобы преодолеть методологическую ограниченность рассмотренных подходов к анализу личности предпринимателя, необходимо осуществить переход к анализу целостного субъекта предпринимательской деятельности, а не отдельных его черт, мотивов, ценностей и других рядоположенных характеристик. Следует рассмотреть личность предпринимателя как носителя определенного образа жизни с характерным для него мировоззрением и самосознанием.

Для реализации подобных задач необходима разработка системного подхода к личности предпринимателя, что подразумевает выделение системообразующего признаков его функционирования, переход к анализу опосредующих механизмов саморегуляции и самодетерминации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Brockhaus R. H. The psychology of the entrepreneur // Encyclopedia of Entrepreneurship (Ed. : C. A. Kent, D.L. Sexton, K.H. Vesper). Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall. 1982/- P. 39-57.
2. Furnham A. Economic locus of control // Human Relations. 1986. V.39. P. 29-43.
3. Gasse Y. Elaborations of the psychology of the entrepreneur// Encyclopedia of Entrepreneurship. New Jersey. 1982. P. 57-66.
4. Hisrich R. D. Entrepreneurship / Intrapreneurship// American Psychologist. 1990. V. 45, 2. P. 209-222.
5. Kets de Vries M. F.R. The dark side of entrepreneurship// Harvard Business Review. 1985. V. 63. P. 160-167.
6. Kets de Vries M. F. R. The entrepreneurial personality: A person at the crossroads// Journal of management studies. 1977. V. 14. 1. P. 34-57.
7. McClelland D.C. Achievement and entrepreneurship: A longitudinal study// Journal of Personality and social psychology. 1965. V. 1. P. 389-392.

8. McClelland D.C., Boyatzis R.E. Leadership motiv pattern and long-term success in management// Journal of applied Psychology. 1982. V. 67. P.737-743.
9. Panday J., Tewary N.B. Locus of control and achievement values of entrepreneurs// Journal of occupational psychology. 1979. V. 52. P. 107-111.
10. Warneryd K.-E. The psychology of innovative entrepreneurship// Handbook of economic psychology (Eds. By: W. F. Van Raaij, Van Veldhoven G.M., Warneryd K.-E.). - Dordrecht, Boston, London. 1988. P. 404-447.

Раздел 2.

Е.Н. ВЕРЕЗУБ

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОЛЬНОГО И НЕПРОИЗВОЛЬНОГО ЗАПОМИНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ.

У статті викладено результати експерименту по вивченню умовнай-доцільнішого використання пам'яті учнів при засвоєнні ними іноземної мови. Метою експерименту було виявлення продуктивності довільного та мимовільного запам'ятовування іншомовного матеріалу в різних вікових та різних за кількісним наповнення продуктивності запам'ятовування при додатковому настановленні - а саме: орієнтації на роботу з цим матеріалом у майбутньому.

Знание иностранного языка играет важную роль в жизни современного общества. Создаются новые методики, направленные на эффективное овладение языком. Рациональная организация процесса обучения, выбор средств обучения требуют учета основных закономерностей функционирования памяти.

В работах известных психологов П.И. Зинченко [1], Г.К. Середы [2], А.А. Смирнова [3] и других память изучалась в единстве с различными формами деятельности субъекта, при этом изучение закономерностей произвольного запоминания проводилось в сравнении с произвольным.

Данная работа посвящена изучению условий эффективного использования памяти учащихся при изучении иностранного языка.

В основу исследования положена гипотеза об ориентации памяти на будущее (Г.К. Середа) [2], согласно которой при запоминании человек отбирает материал и сохраняет в памяти то, что ему пригодится в будущем.

Целью исследования было выявление продуктивности произвольного и произвольного запоминания иноязычного материала в различных возрастных, а также различных по количественному составу группах учащихся; определение продуктивности запоминания при до-

полнительной установке - ориентации на работу с этим материалом в будущем.

Для установления оптимальных условий запоминания нами был проведен пилотный эксперимент.

В качестве экспериментального материала для его проведения были выбраны диалогические и монологические тексты.

В реальных учебных ситуациях учащимся приходится сталкиваться с разнообразным материалом, который необходимо понять и запомнить, чтобы актуализировать его впоследствии. При овладении иностранным языком большое место занимает работа с текстовым материалом, который требует понимания для последующего воспроизведения.

Для определения продуктивности запоминания в качестве испытуемых нами были выбраны две возрастные группы - 10 - 11 лет и 13 - 14 лет. Возраст испытуемых был выбран не случайно. Если младшие школьники (7 - 9 лет) проявляют интерес к изучению иностранного языка потому, что уроки проводятся в игровой форме, то старшие школьники (15 - 17 лет) потому, что осознают необходимость владения языком (для общения с иностранцами, получения престижной работы и так далее). Возраст 10 - 14 лет является наиболее уязвимым, так как внешняя мотивация уже отсутствует, а внутренней еще нет. Поэтому, на наш взгляд, на примере этого возраста было бы наиболее интересно исследовать, как происходит запоминание материала и в каких условиях оно максимально эффективно.

Эксперимент проводился в трех различных группах. При индивидуальной работе с учащимися, так как индивидуальные занятия по иностранному языку принято считать наиболее эффективными. В группе из 4 человек - в такой группе можно образовать две пары для ведения диалога. В такие пары можно подобрать учащихся с близкими по уровню знаниями. В группе из 12 человек, которая традиционно принята в нашей системе образования при обучении иностранному языку.

Запоминание текста (диалога) осуществлялось в условиях таких способов работы над ним: чтение текста (диалога) учащимися про себя, выполнение заданий (ответы на вопросы по тексту и так далее), предложенных экспериментатором и направленных на лучшее усвоение материала, повторное чтение текста (диалога) про себя.

Эти способы типичны для работы школьника, они широко применяются на уроках иностранного языка. Таким образом, экспериментальное исследование было максимально приближено к условиям учебной работы учеников.

При анализе воспроизведения текста учитывалась вербальная и семантическая точность (таб. 1, 2).

Таблица 1.

Воспроизведение текста и диалога учащимися 10-11 лет.

			Параметры оценки воспроизведенного текста (в смысловых единицах)		Параметры оценки воспроизведенного диалога (в смысловых единицах)	
Группа	Запоминание		ТОЧНОСТЬ			
			вербальная (всего 38 ед.)	семантическая (всего 21 ед.)	вербальная (всего 28 ед.)	семантическая (всего 20 ед.)
индивид	произвольное	без ориентации на будущее	25,0	14,25	17,75	13,25
		с ориентацией на будущее	25,75	14,75	17,25	13,0
	непроизвольное	без ориентации на будущее	23,0	12,0	16,25	12,25
		с ориентацией на будущее	22,75	12,25	15,75	11,75
4 человека	произвольное	без ориентации на будущее	16,25	9,25	17,25	13,75
		с ориентацией на будущее	15,25	9,0	18,0	14,5
	непроизвольное	без ориентации на будущее	25,25	13,0	17,0	13,25
		с ориентацией на будущее	26,0	14,0	18,25	14,25
12 человек	произвольное	без ориентации на будущее	19,25	11,25	15,0	10,25
		с ориентацией на будущее	18,75	11,0	14,75	9,25
	непроизвольное	без ориентации на будущее	14,75	8,25	12,0	9,0
		с ориентацией на будущее	14,0	8,0	13,0	9,25

Таблица 2.

Воспроизведение текста и диалога учащимися 13-14 лет.

			Параметры оценки воспроизведенного текста (в смысловых единицах)		Параметры оценки воспроизведенного диалога (в смысловых единицах)	
Группа	Запоминание		Точность			
			вербальная (всего 62 ед.)	семантическая (всего 28 ед.)	вербальная (всего 32 ед.)	семантическая (всего 31 ед.)
индивид	произвольное	без ориентации на будущее	48,25	20,0	21,75	22,0
		с ориентацией на будущее	50,0	22,25	20,75	22,25
	непроизвольное	без ориентации на будущее	42,25	18,75	18,25	17,0
		с ориентацией на будущее	44,0	18,0	17,75	18,0
4 человека	произвольное	без ориентации на будущее	45,25	18,0	23,0	25,0
		с ориентацией на будущее	47,75	19,0	23,75	26,25
	непроизвольное	без ориентации на будущее	40,25	15,25	20,0	25,0
		с ориентацией на будущее	42,0	14,75	21,25	25,25
12 человек	произвольное	без ориентации на будущее	30,0	12,25	17,75	15,0
		с ориентацией на будущее	32,25	11,75	17,0	15,25
	непроизвольное	без ориентации на будущее	24,75	10,25	15,0	12,25
		с ориентацией на будущее	23,25	11,75	15,25	12,75

Под вербальной точностью мы понимали количество воспроизведенных лексических единиц (существительных, прилагательных и смысловых глаголов). Для определения семантической точности использовался метод разбивки текста на смысловые единицы [1],

Полученные данные были обработаны с помощью методов математической статистики.

Результаты эксперимента показывают, что самая высокая продуктивность запоминания при работе с текстом в первой возрастной группе (10 - 11 лет) обнаруживается в произвольном запоминании при индивидуальной работе, а также в непроизвольном запоминании в группе из 4 человек при дополнительной установке - ориентации на будущее, а наименее эффективным является непроизвольное запоминание в группе из 12 человек (различия значимы по t - критерию Стьюдента при $\alpha = 0.05$).

При работе с диалогом у учащихся 10 - 11 лет самым оптимальным является произвольное и непроизвольное запоминание в группе из 4 человек, а показатели непроизвольного запоминания в группе из 12 оказываются самыми низкими (различия значимы по t - критерию Стьюдента при $\alpha = 0.05$).

Во второй возрастной группе (13 - 14 лет) при работе с текстом наиболее эффективным является произвольное запоминание с установкой "ориентация на будущее" при индивидуальной работе и в группе из 4 человек, а наименее - непроизвольное запоминание в группе из 12 человек (различия значимы по t - критерию Стьюдента при $\alpha = 0.05$).

При работе с диалогом более высокие показатели получены при произвольном и непроизвольном запоминании в группе из 4 человек, а самые низкие результаты при непроизвольном запоминании в группе из 12 человек (различия значимы по t - критерию Стьюдента при $\alpha = 0.05$).

Проведенный эксперимент показывает, что у школьников продуктивность произвольного и непроизвольного запоминания как текста, так и диалога повышается с возрастом.

Запоминание с ориентацией на будущее является эффективнее запоминания без данной установки.

Произвольное и непроизвольное запоминание более эффективно в группе из 4 человек и при индивидуальной работе, чем в группе из 12 человек, так как в небольших группах легче подобрать учащихся с близкими по уровню знаниями для более активной совместной работы.

Таким образом, данное исследование показало, что в группах разных по возрасту и количеству эффективность непроизвольного и

произвольного запоминания с установкой на будущее и без нее различна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание. Изд. Акад. пед. наук РСФСР. М., 1961.
2. Середа Г.К. Теоретическая модель памяти как механизма системной организации индивидуального опыта. - Вестник Харьк. гос. ун - та, № 253. Психология деятельности и познавательных процессов. - Харьков, 1984. - С. 10 - 18.
3. Смирнов А. А. Проблемы психологии памяти. - М.: Просвещение, 1966.

Ю.А ГИМАЕВА

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ДИНАМИКА ЛИЧНОСТНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ.

Стаття знайомить з результатами порівняльного аналізу особистісних ефектів розвиваючого і традиційного типів навчання (РН і ТН).

Для учнів РН перехід до середніх класів часто пов'язаний зі зміною освітньої технології. У зв'язку з цими обставинами обмірковується ступінь резистентності набутих особистісних утворень і їх вікова динаміка від 3-го до 6-го класу.

Обучение и воспитание традиционно являются функциями институтов социализации, в том числе и школы. Усвоение индивидом инструментальных навыков, способов построения понятий, сведений различного порядка с одной стороны и норм и способов взаимодействия с людьми с другой определяет его становление как члена социума и личности. Дискутируются вопросы, во-первых, о степени представленности обучения и воспитания в образовательном процессе, который реализуется в современной школе, во-вторых, об их относительном вкладе в развитие индивида как личности, в-третьих, об их взаимовлиянии. Что касается первого и второго направлений (идеологии образования), то здесь существуют две тенденции:

1) выводить на первый план образовательного процесса обучение как информационное воздействие преимущественно на познавательную сферу психики индивида, оставляя вопросы воспитания внеклассному взаимодействию с учащимися, и 2) акцентировать воспитательное воздействие не посредственно на личность ребенка. Причем обучение в этом случае рассматривается как база, контекст, условие формирования личностных образований типа механизмов саморегуляции, ценностных ориентаций, предпочитаемых способов взаимодействия с другими и т.д. Наиболее важными факторами оказываются содержание и способы построения основных понятий

учебного материала и формы организации учебной работы в классе соответственно.

Существующие тенденции объединяются в рамках различных технологий образования, среди которых нас интересовали так называемые традиционное обучение (ТО) и развивающее обучение (РО). Как известно, ТО связано с индивидуальными формами работы учеников и эмпирическим типом изложения учебного материала, РО - с коллективно-распределенными формами работы и теоретическим способом освоения материала. Наше исследование касается проблемы взаимодействия обучения и воспитания, а именно - личностных и психоэмоциональных эффектов форм организации и содержания обучения. Мы исходили из того, что последние определенным образом влияют на формирование структурных элементов и состояния личности (которые, в свою очередь, являются результатом взаимодействия базовых компонентов личности и внешних обстоятельств), причем РО создает более благоприятные условия, чем ТО. Но специфика ситуации в образовании состоит в том, что РО, как правило, реализуется только в младших классах, а переход в средние классы сопровождается и переходом к ТО (хотя экспериментальные программы по основным предметам для средних классов РО разрабатываются и проходят апробацию). Это обстоятельство, само по себе неблагоприятное для становления личности учеников, создает удобные условия для изучения психоэмоциональных реакций на смену типа обучения и ригидности приобретенных структур.

Наше исследование было проведено на базе классов РО и ТО средних школ N1 и N19 г. Харькова и охватило 272 ученика 3-х, 5-х и 6-х классов (57 из них участвовали в лонгитюдном исследовании). 136 учеников в младших классах обучались по типу РО, 136 - по типу ТО. Обучение всех учащихся в средних классах осуществлялось в рамках ТО. Испытуемые образовали 6 экспериментальных групп: третьеклассники, обучающиеся по типу РО (РО-3), пяти- и шестиклассники, обучавшиеся в младших классах по типу РО (РО-5 и РО-6 соответственно) и так же третьеклассники, обучающиеся по типу ТО (ТО-3) и пяти- и шестиклассники, обучавшиеся в младших классах по типу ТО (ТО-5 и ТО-6 соответственно).

В качестве методического инструментария были использованы проективные методики "Дом-Дерево-Человек" (8 показателей) и "Рисунок несуществующего животного" (18 показателей). Групповые средние значения оцениваемых показателей, выраженные в процентах, претерпели проверку на значимость различий с помощью t-критерия Стьюдента (показатели методики РНЖ обрабатывались по типу бинарных оценок (0-1) за исключением показателя "агрессивность", который оценивался по 4х-балльной шкале).

ОБСУЖДЕНИЕ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ (см. таб. 1 и таб. 2).

Между группами РО-3 и ТО-3 значимые различия были обнаружены по показателям "незащищенность", "социальная активность", "социальная пассивность", "страхи", "положительная самооценка поведения", "отрицательная самооценка идеальной продукции", "защита от вышестоящих с агрессией", "агрессивность". При этом дети группы РО-3 более социально активны, чаще положительно оценивают свое поведение и более склонны к страхам, а в группе ТО-3 более выражена социальная пассивность, незащищенность, склонность отрицательно оценивать свою идеальную продукцию и защищаться от вышестоящих с агрессией.

Группы РО-5 и ТО-5 значительно различаются по выраженности показателей "чувство неполноценности", "трудности общения", "депрессивность", "защита от вышестоящих с агрессией", "защита от вышестоящих с тревогой", "защита от нижестоящих с тревогой", "защита недифференцированная с агрессией", "астеничность". Причем в группе РО-5 все названные показатели, кроме "защиты недифференцированной с агрессией", более низкие, чем в группе ТО-5. Сравнение учащихся группы РО-5 с детьми 3 класса (РО-3) указывает на повышение при переходе к ТО выраженности показателей "тревожность", "трудности общения", "защита от вышестоящих с агрессией" и на снижение выраженности показателей "положительная самооценка поведения", "защита от вышестоящих с тревогой", "защита недифференцированная с тревогой". Но все же они остаются либо значимо менее выраженными, либо не превышают выраженность соответствующих показателей в группе ТО-5. В группе ТО-5 по сравнению с 3-м классом значимо повышается выраженность показателей "недоверие к себе", "чувство неполноценности", "трудности общения", "астеничность" и значимо понижается уровень показателей "социальная пассивность", "положительная самооценка идеальной продукции", "отрицательная самооценка идеальной продукции". Но тем не менее эти показатели являются либо значимо более выраженными, чем соответствующие показатели в группе РО-5, либо не ниже.

ТАБЛИЦА 1 Групповые средние значения показателей по методикам ДДЧ и РНЖ (в процентах).

Показатели	РО-3	РО-5	РО-6	ТО-3	ТО-5	ТО-6
незащищенность	27.75	29.7	28.1	34.0	32.7	30.8
тревожность	15.5	21.0	15.8	19.6	18.4	20.6
недоверие к себе	24.25	30.0	29.4	26.6	35.3	35.9
чувство неполноценности	15.0	13.2	13.6	11.0	17.8	15.0

праждебность	13.2	16.2	14.3	12.5	17.8	16.5
фрустрация	11.7	15.7	16.7	13.7	15.7	17.5
трудности общения	13.1	19.3	22.1	15.3	26.9	24.2
депрессивность	1.4	1.6	1.9	3.3	5.1	2.2
социальная активность	45.8	33.3	35.6	18.5	28.9	31.1
социальная пассивность	8.3	13.0	10.2	40.7	18.4	16.2
вербальная агрессия	25.0	40.6	45.8	29.6	47.4	36.5
страхи	54.2	33.3	47.5	18.5	34.2	44.6
положительная самооценка поведения	45.8	10.1	19.5	18.5	21.1	20.9
отрицательная самооценка поведения	16.7	15.2	26.3	22.2	7.9	14.2
положительная самооценка идеальной продукции	0	1.5	6.8	20.4	1.3	5.4
отрицательная самооценка идеальной продукции	4.2	6.5	6.8	20.4	5.3	9.5
защита от вышестоящих с агрессией	8.3	27.5	28.8	33.3	43.4	41.9
защита от вышестоящих с тревогой	25.0	4.4	23.7	25.9	25.0	20.3
защита от нижестоящих с агрессией	4.2	8.7	13.6	18.5	11.8	9.5
защита от нижестоящих с тревогой	0	2.9	6.8	22.2	17.1	13.5
защита недифференцированная с агрессией	0	29.0	27.1	11.1	7.9	14.9
защита недифференцированная с тревогой	41.7	13.0	28.8	29.6	21.1	33.8
астеничность	8.3	8.7	18.6	7.4	23.7	21.6
поверхностность суждений	54.2	43.5	47.5	29.6	42.1	36.5
конформность суждений	33.3	27.5	37.3	44.4	27.6	18.9
агрессивность	26.2	18.7	19.0	8.6	14.8	14.7

Группы РО-6 и ТО-6 различаются только по показателям "тревожность" и "конформность суждений". Дети, обучавшиеся по РО менее тревожны и более конформны, причем по сравнению с 5-м классом уровень показателя "тревожность" тоже падает и достигает уровня 3-го класса, зато растет выраженность показателей "защита от

вышестоящих с тревогой" и "защита недифференцированная с тревогой" (значимо снизившаяся в 5-м классе). Относительно 3-го класса растет уровень показателя "фрустрация", остается высоким уровень показателей "трудности общения" и "защита от вышестоящих с агрессией", и остается низким уровень показателя "положительная самооценка поведения". Психозмоциональная ситуация шестиклассников, обучавшихся без смены типа образовательной технологии (ТО-6), по сравнению с пятым классом практически не меняется: значимо снижается только уровень показателя "депрессивность", а по сравнению с 3-м классом значимо выше уровень выраженности показателей "недоверие к себе", "трудности общения", "страхи", "астеничность", значимо ниже - показателей "социальная пассивность", "положительная самооценка идеальной продукции", "конформность суждений". При этом все показатели, кроме "страхов" и "конформности суждений" остались на уровне пятого класса.

Итак, мы видим, что различия между детьми РО и ТО в 3-м классе довольно четко укладываются в оппозицию "социальная действенность" (уверенность, наступательность, активность) - "социальная апатичность" (неуверенность, оборонительность, бездеятельность). Это вполне объяснимо с точки зрения различий форм организации обучения и взаимодействия детей в классах РО и ТО: коллективно-распределенная деятельность учеников и "коллегиальное" отношение учителя к ученикам в случае РО создают лучшие условия для развития инициативности, тенденции к самоутверждению, уровня притязаний и внутренней референтности, чем индивидуально-обособленная деятельность и "директивная" позиция учителя по отношению к ученикам в случае ТО. Повышенная склонность к возникновению страхов в группе РО-3 может быть связана именно с формированием чувства ответственности, наличием особых групповых норм и стремлением детей им соответствовать, подкрепляемыми окружением.

Переход из младших классов в средние - напряженный период в жизни ребенка. И даже не будучи связанным со сменой образовательной технологии (ТО), он связан с рядом негативных эффектов: по сравнению с 3-м классом растут недоверие к себе, чувство неполноценности, астеничность. Снижение уровня выраженности показателя "социальная пассивность" - само по себе благоприятное изменение, но, учитывая, что при этом нет роста по показателю "социальная активность", а общее количество самооценок идеальной продукции падает, но роста самооценок поведения нет, можно сделать вывод, что ученики только пассивно подстраиваются под изменившиеся обстоятельства.

По сравнению с группой ТО-5 ученики группы РО-5 выглядят более благополучными (см. описание результатов), но содержание изме-

нений в этом случае другое. И оно свидетельствует, на наш взгляд, о некотором росте конфликтности, связанной с рассогласованием между привычными нормами и новыми условиями. Интересно, что на фоне неизменного, по сравнению с 3-м классом, уровня выраженности показателя "социальная активность" падает количество положительных самооценок поведения, то есть приобретенные в младших классах структуры и свойства личности продолжают обуславливать поведение, но не находят подкрепления у окружения, в следствие чего и растут тревожность и склонность защищаться с агрессией от взрослых (напомним, что в группе ТО-3 уровень выраженности защит разных видов остается аналогичным 3-му классу). Кроме того, дети в группе РО-5 по сравнению с ТО-5 выглядят более сплоченными и, видимо, больше доверяют друг другу: показатель "защита от нижестоящих с тревогой" выражен значимо ниже в группе РО-5, что мы связываем с влиянием форм взаимодействия во время учебного процесса.

Что касается показателя "трудности общения", то рост его выраженности от 3-го к 5-му классу с последующей стабилизацией в 6-м классе и в группах РО, и в группах ТО (причем значимые различия между группами ТО и РО есть только в 5-м классе) мы склонны объяснять влиянием перехода к подростковому возрасту.

В 6-м классе различия между группами РО и ТО практически отсутствуют, что может говорить об унифицирующем (по крайней мере на поведенческом уровне) влиянии образовательной технологии, хотя ученики группы РО-6 выглядят несколько более социально адаптированными: они менее тревожны и более конформны в оформлении своей идеальной продукции. Но динамика и механизмы адаптивности отличаются: если в группе ТО-6 фактически закрепляются тенденции "интерпретировать на себя" и пассивного подчинения, наметившиеся в 5-м классе, то в группе РО-6 конфликтность "экстериоризируется". У них при меньшем количестве положительных самооценок поведения падает уровень тревожности и растут фрустрация и количество защит разных видов.

Таким образом, мы видим, что формы организации обучения, практикуемые в рамках РО, действительно обуславливают личностные эффекты, более адекватные задачам развития индивида в младшем школьном возрасте, чем формы организации ТО. Причем эти эффекты оказываются достаточно резистентными к изменившимся обстоятельствам осуществления ведущей деятельности. Но систематический нормативный конфликт с социальными условиями приводит к определенным искажениям внутри- и межличностной ситуации, закрепление которых может послужить основой для неблагоприятных в плане развития личности новообразований.

ТАБЛИЦА 2 Уровень значимости различий групповых средних значений показателей методик ДДЧ и РНЖ (по критерию Стьюдента).

Показатели	PO-3	PO-5	PO-5	TO-5	PO-6	PO-6	PO-6	TO-6	TO-6
незащищенность	0.05								
тревожность			0.01	0.001	0.001				
недоверие к себе				0.05					0.05
чувство неполноценности		0.05		0.05					
фрустрация							0.05		
трудности общения		0.01	0.05	0.01			0.01		0.01
депрессивность		0.01						0.05	
социальная активность	0.05								
социальная пассивность	0.01			0.05					0.05
страхи	0.01								0.01
положительная самооценка поведения	0.05		0.01				0.05		
положительная самооценка идеальной продукции				0.01					0.05
отрицательная самооценка идеальной продукции	0.05			0.05					
защита от вышестоящих с агрессией	0.05	0.05	0.05				0.05		
защита от вышестоящих с тревогой		0.001	0.05			0.05			
защита от нижестоящих с тревогой		0.01							
защита недифференцированная с агрессией		0.05							
защита недифференцированная с тревогой			0.05			0.05			
астеничность		0.05		0.05					0.05
комфортность суждений					0.05				0.05
агрессивность	0.05								

ФАКТОРНИЙ АНАЛІЗ РЕЗУЛЬТАТІВ КОМПЛЕКСНОГО ПСИХОЛОГІЧНОГО ВИМІРУ РОСІЙСЬКО-УКРАЇНСЬКОЇ ДВОМОВНОСТІ.

У статті зроблений короткий опис факторного аналізу результатів комплексного психологічного виміру російсько-українського білінгвізму. Цей вимір проводився на трьох рівнях: мнемічному, інтелектуальному та індивідуального мовного досвіду. Факторний аналіз результатів виміру дозволив виявити репродуктивний характер російсько-української двомовності у м.Харкові.

Метою нашого комплексного психологічного виміру є виявлення індивідуальних особливостей білінгва в ситуації російсько-української двомовності у м.Харкові. Вимір проводився на трьох рівнях: мнемічному, інтелектуальному та індивідуального мовного досвіду, які безпосередньо визначають можливості спілкування при білінгвізмі. Вибірку склали: мешканці Харкова, службовці, середній вік 25-30 років. Для проведення виміру була розроблена наступна програма тестування вибірки білінгвів (короткий опис цієї програми - [1]):

1. На мнемічному рівні:

а) безпосереднє відтворення ряду слів (короткочасне запам'ятовування -КчП): три тести (українською (укр.), російською (рос.), змішаний(зміш.));

б) запам'ятовування смислових одиниць простих текстів(СмП): два тести (укр. та рос.).

2. На інтелектуальному рівні (логічне оперування словами):

а) складні асоціації(СкАс) між парами слів (за шифром): три тести (укр., рос. та зміш.);

б) виключення п'ятого(В5 - з п'яти слів виключається зайве за смислом): два субтести (укр. та рос.).

3. На рівні індивідуального мовного досвіду :

а) суб'єктивне сприйняття себе в ситуаціях спілкування рос., укр. мовами як результат досвіду спілкування при білінгвізмі.-Особистісний семантичний диференціал(ОСД) Еткінда;

б) соціолінгвістичний досвід спілкування укр.(УкрАнк) та двома мовами(2мовАнк).-2 анкети.

Для статистичного аналізу даних були взяті 20 чинників (показників виміру): 10 тестів(мнемічний та інтелектуальний рівні), 2 анкети, 6 чинників ОСД (Оцінка(О), Сила(С), Активність(А) для двох ситуацій спілкування(укр.та рос.)) і ще два, які звичайно додаються для статистичної обробки: стать піддослідних(Ст) та їх соціолінгвістичний вік (СВ - час спілкування при білінгвізмі). Для того, щоб перевірити ефективність підібраних для тестування методик, вагомість виділених

20-ти чинників був застосований метод мультифакторного аналізу з ортогональною ротацією (Varimax). Цей метод дозволяє, з одного боку - виявляти латентні структури (у нашому випадку - психологічні тенденції, механізми (передумови) при білінгвізмі), що дуже важливо для психологічного дослідження [2, с.373], а з іншого - найбільш комплексно перевіряти ефективність використаних методів.

Після комп'ютерної обробки вибірових результатів тестування для інтерпретації були вибрані вісім факторів (мінімум: приблизно 6% внеску у загальну дисперсію), враховувалась факторна вага чинників приблизно 0,4(0,39 і вище). Викладемо послідовно інтерпретації даних факторів (нумерація за рівнями виміру в залежності від проценту внеску у загальну дисперсію).

Рівень індивідуального мовного досвіду.

Перший фактор (10,22% внеску).- Досвід спілкування українською мовою. Розподіл чинників за факторною вагою: ОСД(О)укр.(ситуація спілкування).-0,833; ОСД(А) укр.-0,825; УкрАнк.-0,478.

Після аналізу вибірових результатів за даними чинниками була зроблена наступна інтерпретація першого фактора. У суб'єктивному мовному досвіді білінгва домінує тенденція до позитивного сприйняття себе, активної позиції щодо ситуації спілкування укр. мовою. Така специфіка його індивідуального мовного досвіду обумовлена соціолінгвістичним досвідом спілкування укр. мовою, тим "життєвим процесом", який структурно увібрав у себе соціальні умови сприйняття вербальної інформації, встановлення мовної комунікації і т.п.

Другий фактор (8,032%).- Незалежність при спілкуванні рос. та укр. мовами. Чинники-фактори ОСД: ОСД(С)рос.-0,87; ОСД(С)укр.-0,84.

За вибіровими показниками проведення ОСД виявилась незалежна (впевнена) позиція білінгвів у ситуаціях спілкування рос. та укр. мовами (зв'язок чинників) при тенденції до більш консервативної позиції щодо спілкування рос. мовою (розподіл обох чинників за факторною вагою).

Третій фактор (5,863%).- Соціолінгвістичний досвід спілкування рос. та укр. мовами. Чинники-анкети: 2мовАнк.-0,754; УкрАнк.-0,456

У соціолінгвістичному досвіді білінгва виявилась, з одного боку - тенденція домінування рос. мови у спілкуванні, а з іншого - врівноважуюча тенденція, яка обумовлена впливом досвіду спілкування укр. мовою при білінгвізмі.

Мнемічний рівень.

Четвертий фактор (7,168%).- Сміслові відтворення рос. та укр. текстів. Чинники-тести: СМП рос.-0,94; СМП укр.-0,53.

За результатами проведення СМП виявилась схожість вибірових розподілів продуктивності відтворення рос. та укр. текстів. Загальні

вибіркові показники свідчать про сформованість вмінь оперувати як рос., так і укр. текстовим матеріалом. При цьому було також виявлено, що відтворення смислової структури рос. простих текстів здійснюється більш продуктивними способами ніж українських. Отже, ці дві особливості смислового відтворення укр. та рос. простих текстів і обумовлюють як взаємозв'язок обох чинників, так і їх співвідношення за факторною вагою.

П'ятий фактор (6,995%).- Запам'ятовування укр. мовою. Чинники-тести: КчП зміш.-0,833; СмП укр.-0,44; КчП укр.-0,399.

Вибіркові розподіли результатів проведення цих трьох тестів виявились значно схожими, що обумовлено схожістю відтворення білінгвами укр. вербального матеріалу. "Перевага" КчПзміш. у даній латентній структурі обумовлена більш продуктивним відтворенням рос. вербального матеріалу при виконанні завдань КчП та СмП. В цілому, наявність цього фактору свідчить про репродуктивний характер мовних вмінь білінгва в ситуації рос.-укр. двомовності.

Інтелектуальний рівень.

Шостий фактор (6,773%).- Виключення п'ятого. Чинники-субтести: В5 рос.-0,756; В5 укр.-0,645, що складають В5.

Перед тим, як розпочати інтерпретацію шостого фактора відмітимо, що завдання у тестах, які підібрані для виміру на інтелектуальному рівні (В5 та СкАс) схожі на відповідні завдання до "4 - го тесту" (логічні операції з чотирма словами), який в результаті процедури факторизації був інтерпретований як "фактор V-здатність розуміти значення слів та вірно їх використовувати; здатність розуміти співвідношення між словами, а також цілі речення та абзаци тексту. Фактор характеризує вміння ясно виражати думку" [3,с.119]. Ці вміння близькі до продуктивного білінгвізму (помірковане володіння другою мовою). В5 більш складний для виконання, оскільки не має шифру.

Аналіз вибірових результатів В5 показав, що при схожості індивідуальних стратегій виконання укр. та рос. завдань (мислення у процесі узагальнення відбувається невербально) є різна продуктивність їх вибірового виконання, тобто більш сформовані вміння логічно оперувати рос. словами.

Сьомий фактор (6,579%).- Складні асоціації між укр. словами. Чинники-тести: СкАс укр.-0,82; СкАс зміш.-0,49.

Загальні вибіркові розподіли продуктивності виконання завдань обох тестів виявились схожими. При цьому вибірове виконання СкАс укр.(без змішування) більш продуктивне ніж виконання укр. завдань СкАс зміш. Це обумовлено труднощами при виконанні змішаного ряду логічних завдань: перехід з мови на мову, переклад, тощо.

Восьмий фактор (5,719%).- Логічні операції з рос. словами. Чинники-тести: СкАс рос.-0,764; В5 рос.-0,409; СкАс зміш.-0,403.

При схожості вибірових розподілів продуктивності виконання цих трьох тестів результати проведення СкАс рос. показали, що у білінгвів більш сформовані вміння логічно оперувати рос. словами (ніж укр.). Близькість факторної ваги В5 та СкАс зміш. обумовлена труднощами при виконанні завдань обох тестів: змішаного ряду СкАс (див. вище) та більш складних для логічного оперування В5 (без шифру).

В цілому, за результатами мультифакторного аналізу (сумарний внесок викладених восьми факторів - 57,349%) можна констатувати:

- обґрунтованість виділення трьох рівней виміру індивідуальних особливостей білінгва в ситуації рос.-укр. двомовності;

- вагомість основних чинників, що були взяті для виявлення досліджуваних особливостей;

- ефективність застосування методичних засобів нашого виміру.

Для виявлення особливостей міжрівневих зв'язків був проведений трьохфакторний аналіз всього "поля" даних тестування вибірки білінгвів, оскільки між трьома рівнями можуть бути тільки три варіанти зв'язку: 1-2; 1-3; 2-3. Після комп'ютерної обробки були одержані три "сильні" фактори, сумарний внесок яких 41,368%. Проінтерпретуємо послідовно ці три фактори (враховувалась значущість факторної ваги прибл. 0,5 (0,49 і вище), бо невеликий обсяг вибірки).

Перший фактор. Залежність сприйняття себе при білінгвізмі від вмінь відтворювати рос. та укр. вербальний матеріал (15,62%). Розподіл чинників за факторною вагою: СмП укр. (0,864); КчП укр. (0,756); КчП зміш. (0,575); СмП рос. (0,513); ОСД(О) рос.(0,503); ОСД(О) укр.(0,501).

Була зроблена наступна інтерпретація першого фактора:

По-перше, домінує латентна тенденція впливу вмінь відтворювати укр. вербальний матеріал на позитивне сприйняття білінгвом себе у ситуаціях спілкування рос. або укр. мовою: СмП укр., КчП укр.та ОСД(О) укр.,ОСД(О) рос.

По-друге, на це сприйняття можуть також впливати процеси інтерференції при короткочасному відтворенні зміш. вербального матеріалу (КчП зміш.) та вмінь відтворювати текстовий матеріал рос. мовою (СмП рос.).

Другий фактор. Логічні операції з рос. та укр. словами (12.139%). Чинники-тести: СкАс зміш. (0,873); СкАс укр. (0,616); В5 рос. (0,596); СкАс рос. (0,505).

Після розгляду вибірових результатів проведення цих тестів була зроблена така інтерпретація другого фактора:

1) існують певні труднощі при виконанні зміш. ряду логічних завдань (укр.завдання у СкАс зміш. та СкАс укр.), які пов'язані із знанням - незнанням другої (укр.) мови (можливість вільно оперувати укр. словами);

2) виконання рос. ряду завдань у зміш. тесті та завдань тестів рос. мовою здійснюється більш ефективними способами логічної обробки вербального матеріалу, тобто краще сформовані вміння логічно оперувати рос. словами (СкАс зміш., В5 рос. та СкАс рос.).

Третій фактор. Розходження "відтворення рос. мовою - досвід спілкування укр. мовою" (13,609%). Чинники: УкрАнк (0,763); ОСД(А) укр. (0,544); ОСД(О) укр. (0,539); 2мовАнк (0,522) - КЧП рос. (-0,548); СМП рос. (-0,506).

Враховуючи розподіл та зв'язок чинників "біполярного" третього фактора, можна зробити загальний висновок про те, що існує асиметрія (розходження) між об'єктивним мнемічним рівнем володіння рос. мовою (КЧП рос., СМП рос.) та індивідуальним досвідом спілкування укр. (УкрАнк, ОСД(О) укр., ОСД(А) укр.) або двома (2мовАнк) мовами. Наявність цієї асиметрії свідчить про те, що недосвід досвіду спілкування укр. мовою компенсується використанням вмінь відтворювати вербальний матеріал рос. мовою.

Щоб зробити найбільш узагальнену інтерпретацію всього "поля" даних нашого виміру необхідно виявити фактор, який би характеризував інтегральний зв'язок трьох досліджуваних рівней. Тобто, треба провести однофакторний аналіз результатів тестування вибірки білінгвів.

Після комп'ютерної обробки був одержаний такий генеральний фактор (значущість факторної ваги приблизно 0,5 (0,49 і вище):

Вплив укр. мови при рос.-укр. білінгвізмі (репродуктивний характер рос.-укр. білінгвізму) - 18,556% внеску у загальну дисперсію. Розподіл чинників за факторною вагою: КЧП укр. - 0,835; ОСД(О) укр. - 0,672; УкрАнк - 0,647; СМП укр. - 0,587; ОСД(А) укр. - 0,581; КЧП зміш. - 0,565.

Отже, виділилась низка чинників, в якій "змішані" два рівні виміру: мнемічний (три чинника) та індивідуального мовного досвіду (три чинника). Чинники інтелектуального рівня не увійшли до ряду значущих за факторною вагою. Якщо узагальнити відповідні (за чинниками) вибіркові дані, то можна зробити наступну інтерпретацію генерального фактора нашого виміру:

По-перше, серед основних характеристик індивідуального мовного досвіду білінгва виділяються такі: наявність певного ступеня заглиблення в україномовне середовище (УкрАнк), позитивне сприйняття себе в ситуації спілкування укр. мовою (ОСД(О) укр.), активна позиція щодо спілкування укр. мовою (ОСД(А) укр.).

По-друге, дані характеристики індивідуального мовного досвіду визначають можливості білінгва ефективно відтворювати укр. вербальний матеріал (КЧП укр., СМП укр., укр. завдання у КЧП зміш.).

Наявність даного фактора дозволяє нам констатувати, що в результаті комплексного трьохрівневого виміру виявився переважно репродуктивний характер російсько-українського білінгвізму у м.Харкові. Таким чином, з одного боку - є можливості білінгва відтворювати, цитувати український вербальний матеріал, а з другого існують певні труднощі з вільним володінням українською мовою, тобто з володінням нею на продуктивному рівні.

ЛІТЕРАТУРА

1. Гулий Ю.І. Експериментально-психологічне дослідження мовної ситуації у м.Харкові./Мат.других міжнар.псих.чит. "Актуальні проблеми сучасної психології"/Секція "Особистість та суспільство".-Харків:Ун-т внутрішніх справ,1995.- С.46,47.
2. Суходольский Г.В. Основы математической статистики для психологов.- Л.: Изд.ЛГУ,1972.
3. Окунь Ян. Факторный анализ.-М.:Статистика.- 1974.

Е.В. ЗАЙКА, О.Б. КОЛЕСНИК, Н.А. КУЗЬМЕНКО

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАРУШЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ЭКСПРЕССИЙ У БОЛЬНЫХ НЕВРОЗОМ

Подано результати дослідження 30 хворих на невротенію; застосовано комплекс методик "експресії на фотокартах", виявлено, що складні аспекти сприйняття у хворих ушкоджені, в той час як елементарні незмінні.

Нарушение восприятия и понимания эмоциональных экспрессий на фотографиях и у реальных партнеров по общению неоднократно отмечалось в литературе, однако в ряде исследований такие нарушения не обнаруживались (1). Рассматривая понимание выражений эмоциональных состояний на лице другого человека важный компонент возникновения и развития, мы предприняли комплексное исследование специфики восприятия экспрессий при неврозах.

Испытуемые - 30 больных неврозами, поступивших для лечения в ЦКБ № 5 г.Харькова, у 20 - диагноз невротения, у 10 - невроз без уточнения вида, но с преобладанием невротической симптоматики, возраст от 20 до 40 лет, с высшим, незаконченным образованием и студенты. Для контроля взята аналогичная группа практически здоровых людей.

Применялся распространенный в нейропсихологии модифицированный и дополненный нами вариант комплексной методики изучения эмоциональных экспрессий по фотографиям (2). Задания испытуемым:

1) проинтерпретировать (описать) эмоции на 29 фотографиях, 2) классифицировать 29 фотографий по сходству эмоций, 3) проранжировать фотографии по силе выраженности эмоций радости и страха, 4) узнать из 9 фотографий те, которые соответствуют эмоциям на трех фотографиях, 5) исключить фотографии (лишние) из четырех наборов по 4, оставив лишь по три эмоционально сходных.

Результаты. Больные неврозом (с преобладанием неврастенической симптоматики) имеют, по сравнению с контрольной группой, ряд особенностей восприятия экспрессий. Больные в целом менее точно и большим числом ошибок интерпретируют эмоции на фотографиях. Наиболее часто допускаются ошибки при восприятии эмоций гнева, менее часто - горя и удивления и страха, и почти нет ошибок при восприятии эмоций радости и безразличия.

В отличие от здоровых испытуемых, классифицирующих набор фотографий в среднем на 7,9 групп, больные неврозом выделяют в среднем лишь 6,7 групп, что свидетельствует о меньшей их чувствительности к тонким оттенкам, едва заметным нюансам эмоциональных экспрессий.

Ранжирование, узнавание фотографий и исключение одной лишней у больных выполняется почти без ошибок и качественно не отличается от результатов контрольной группы.

Обобщая описанные результаты, можно заключить, что у больных неврозом нарушены лишь некоторые аспекты восприятия и понимания эмоциональных экспрессий, в то время как другие остаются сохраненными. Нарушены, как правило, лишь наиболее сложные аспекты, такие, как извлечение смысла переживания, содержания эмоции по экспрессиям (задание 1) и улавливание тонких различий, оттенков экспрессий (задание 2), а сохранены более простые, элементарные аспекты: определение степени выраженности эмоций, узнавание только что показанной эмоции и выделение эмоций, непохожих на другие (задание 3, 4 и 5).

Эти особенности восприятия эмоциональных экспрессий указывают на частичный характер нарушения у больных неврозом одного из существенных компонентов эмпатии - понимания выражений эмоций на лице. Сохраненные лишь элементарные аспекты такого понимания могут выступить предпосылкой лишь сравнительно элементарных форм эмпатии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карвасарский Б.Д. Неврозы - 2-е изд., перераб. - М.: Медицина, 1990 - 576 С.
2. Методика исследования эмоциональной сферы у больных с локальными поражениями головного мозга /С.В.Квасовец, Э.И.Шафиева, Н.В. Гребенникова, Е.Г.Удачина /Новые методы исследования в нейропсихологии. -М., 1990. С. 176-187.

Е.В. ЗАЙКА, Н.П. НАЗАРОВА, Н.А. КУЗЬМЕНКО

О ВЗАИМОСВЯЗИ РАЗВИТИЯ ВИЗУАЛЬНОГО И ВЕРБАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ У МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Подано результати досліджень кореляцій між якістю виконання тестів на візуальне та вербальне мислення. Обидва ці види тісно зв'язані та корелюють з об'ємом короткочасної пам'яті.

Изучены взаимосвязи между качеством выполнения во внутреннем плане действия (ВПД) мыслительных операций различного содержания: визуальных (образно-пространственных) и вербальных (на словесно-цифровом материале) : действия по алгоритму, установление отношений, общение.

Испытуемые - 2 группы: а) учащиеся 2-х классов, 58 детей 7-8 лет и б) учащиеся 3-х классов, 55 детей 8-10 лет. Исследование проводилось в течение двух-трех встреч с ребенком.

Применялись следующие методики диагностики мышления: 1) мысленное вращение: указать из трех фигур одну, которая с другими не совмещается поворотами на плоскости; 2) перемещение на плоскости (от заданной точки мысленно сделать два шага вперед, один шаг влево и т.д., указав конечную точку); 3) и 4) арифметические операции по заученному алгоритму (цифры исходного ряда 8524 следует мысленно расположить так: в каждом столбике из верхнего вычесть нижнее число (8-2) и (5-4) и назвать разности (6 и 1) при зрительном предъявлении ряда (3) и слуховом (4); 5) и 6) установление отношений между тремя элементами (например, Маша выше Тани, Таня выше Светы, кто из них самый низкий?) при зрительном (5) и слуховом (6) предъявлении задачи; 7) мысленное чтение слов наоборот (например: РЕКА- АКЕР) при слуховом предъявлении. Давалось по 4-8 заданий каждого типа. (Фиксировались время и качество выполнения заданий.) Задание 1 и 2 тестировали визуальное мышление, 3-7 - вербальное. Измерялся также объем кратковременной памяти (КП) по методике Джексона "прямой счет".

Результаты. Взаимосвязи между качеством выполнения различных мыслительных заданий представлены на рис.1 (2-й кл.) и рис.2 (3-й кл.). Цифры в кружках обозначают номер задания, две линии - связь при $p < 0,025$ (по точному методу Фишера), 1 линия - 0,05, пунктирная - 0,10.

Положительные связи между выполнениями мыслительных операций и объёмом КП обнаружены для заданий 2 и 3 во 2-м кл. И 1,2,4,7 в 3-ем (р 0,05).

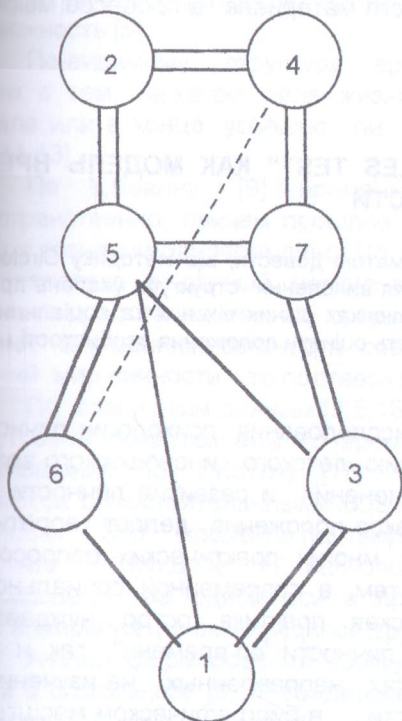

Рис.1.

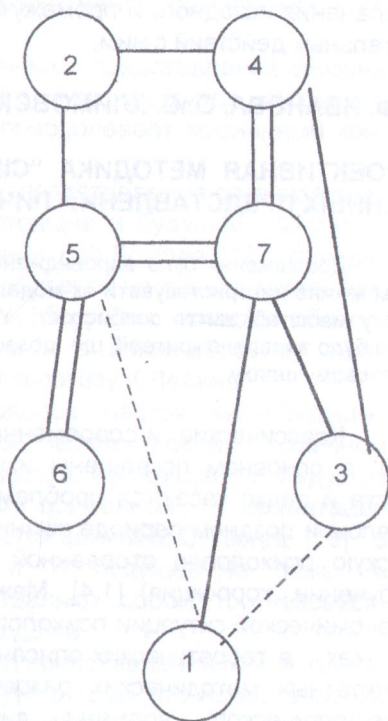

Рис.2.

Выводы:

1. Выполнение различных по содержанию мыслительных операций в ВПД у младших школьников в целом взаимосвязано, что свидетельствует о единой природе ВПД как специфического показателя умственного развития, относительно безразличного к конкретному содержанию выполняемых в нем операций, а также вида преобразуемого материала (визуальный и вербальный).

2. Эффективность и визуального, и вербального мышления связана с объёмом КП (особенно в 3-м кл.), высокие показатели которого являются условием успешного выполнения цепочки взаимосвязанных умственных операций; хотя эта связь и не является жесткой.

Т. о., развитие визуального и вербального мышления у младших

школьников тесно связано. В основе этой связи лежит уровень развития ВПД, обеспечивающий выполнение операций "в уме", и ВПД, в свою очередь, связан с объемом КП, обеспечивающим возможность сохранения исходного и промежуточного материала в процессе мыслительных действий с ним.

Е.Ф. ИВАНОВА, О.Ю. КЛИМОВСКАЯ

ПРОЕКТИВНАЯ МЕТОДИКА "CIRCLES TEST" КАК МОДЕЛЬ ВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЛИЧНОСТИ

Дослідження було впроваджено з метою довести, що методику Circles Test можна використовувати як модель для виявлення структури уявлень про час у масштабі життя особистості. У малюнках різних вікових та соціальних груп було виявлено критерії, що дозволяють оцінити положення особистості на життєвому шляху.

Классические и современные исследования психологии личности в основном посвящены изучению детского и юношеского возраста и редко касаются проблем изменения и развития личности в зрелом и позднем периоде жизни. Такое положение делает теоретическую психологию оторванной от многих практических вопросов (обучение, коррекция) [1,4]. Между тем, в современной социально-экономической ситуации психологическая практика остро нуждается как в теоретических описаниях личности "во времени", так и в конкретных методических разработках, направленных на изучение психологического времени личности в биографическом масштабе, ее жизненной перспективы.

При исследовании психологического времени личности, одного из наименее изученных измерений жизненного мира личности [5], близкого к ее "интимному ядру", предпочтительным является использование проективных методик. Это позволяет снизить искажение результатов сознанием испытуемого, а также уменьшить болезненность вмешательства в глубинные слои психики. Не менее важно, чтобы используемая методика по структуре стимульного материала как можно более полно соответствовала гипотетической структуре временных представлений личности.

Следует отметить, что временные представления личности прежде всего опосредуют "развертку" ее мотивов, смыслов, целей, намерений и др. во времени [5]. В свою очередь, смысловое, целевое и мотивационное наполнение временных отрезков отражается на особенностях их восприятия личностью [2,3,5,8]. Согласно исследованиям отечественных и зарубежных авторов, структура вре-

менных представлений личности связана с различными особенностями личности, в частности, такими, как мотивация достижения [14], смысложизненные отношения [7,10], уровень и структура актуальной, ретроспективной, перспективной самооценки [17], тревожность [5].

По-видимому, структура временных представлений связана также с тем, на каком этапе жизненного пути находится человек: в начале или в конце, успешно ли он преодолевает жизненный кризис [11,13].

По К.Левину [9] временные представления организованы пространственно, причем прошлое, настоящее и будущее присутствуют в сознании одновременно. По мнению Б.Ф.Ломова [12] поведение человека в данный момент определяется не только моментом, но также представлениями о прошлом и будущем, которые обеспечивают внутреннюю связность сознания и в целом образуют внутренний мир личности, что подтверждает гипотезу К.Левина.

По различным данным [3,5,18] прошлое, настоящее и будущее могут быть представлены во временной перспективе в различном соотношении. По Т.Коттлу [18] прошлое, настоящее и будущее являются самостоятельными объектами временной ориентации личности. Это косвенно подтверждается данными О.Тзэнга [19] о том, что "Я" прошлое, "Я" настоящее и "Я" будущее не лежат в самосознании на одной оси, а представляют собой три независимые измерения, не выводящиеся друг из друга.

Анализ формирования временных представлений как в он-токи и в филогенезе [6,15] свидетельствует о том, что представление о времени формируется через пространственные отношения. Так, в мифологическом сознании миры прошлого, настоящего и будущего существуют одновременно, но пространственно разделены. Эти пространственные представления до сих пор сохраняются во временной лексике [16]. По данным Ж.Пиаже [15] сравнительные оценки времени движения двух объектов у детей младшего возраста формируются на основе протяженности отрезков пространства, пройденных объектами, и лишь затем формируется абстрактное представление о длительности безотносительно к пространственным измерениям. Однако пространственность временных представлений не исчезает, а лишь интегрируется, о чем свидетельствует пространственность времени при его экстерииоризации взрослыми людьми [2].

Исходя из вышесказанного, структура временных представлений имеет пространственный характер. Следовательно, чтобы актуализировать ее, нужно "опереться на пространство". Существует множество проективных методик, предлагающих

испытуемому тем или иным образом изобразить свой жизненный путь, линии жизни, график жизни и т.п. [5]. Из этих методик особый интерес представляет методика Circles Test (Циклический тест времени), разработанная американским психологом Т.Коттлом [5,18], поскольку она наиболее соответствует гипотетическим особенностям структуры времени.

Преимущества этой методики состоят в следующем:

- она позволяет изображать именно структуры, а не линии и графики;

- методика подчеркивает присутствие в структуре сознания одновременно прошлого, настоящего и будущего как самостоятельных содержательных единиц;

- Circles Test менее "прозрачен" по сравнению с другими методиками, что является достоинством проективной методики, направленной в том числе и на выявление неосознанных тенденций;

- методика допускает большой набор вариантов, большой простор для творчества испытуемого по сравнению с аналогичными методиками.

Мы предположили, что в качестве модели для выявления структуры временных представлений в масштабе жизни личности целесообразно использовать методику "Циклический тест времени" Т.Коттла. Соотнесение с результатами тестов, выявляющих особенности личности, связанные со структурой временных представлений, позволит предварительно оценить информативность данной модели и выделить критерии, позволяющие использовать данную

методику для изучения личности "во времени".

Нами было выделено четыре группы испытуемых, две из которых находятся на противоположных отрезках жизненного пути (подростки и юноши 15-21 года и пенсионеры 55-85 лет), а две другие соответствуют возрасту нормативных возрастных кризисов [13], причем для одной он усугублен социально-экономической ситуацией (научные сотрудники 45-60 лет), а для другой смягчен адаптивным выбором ведущей деятельности (бизнесмены и сотрудники коммерческих структур 25-35 лет).

Методика Circles Test была разработана для изучения воспринимаемой связи между временными периодами (temporal integration). Испытуемым предлагалось изобразить свое представление о своем личном прошлом, настоящем и будущем в виде трех окружностей произвольного размера. Согласно выводам автора методики, размер окружности связан с воспринимаемой важностью (mean score) соответствующего периода времени (time zone), количеством значи-

опытов, относящихся к данному периоду времени.

Т.Коттлом разработана система оценки различных рисунков по нескольким стандартным параметрам: относительный размер круга, связь между кругами, "направленность" рисунка (future or past oriented temporal development), выявлена связь некоторых типов рисунков с особенностями мотивации, а также с некоторыми биографическими характеристиками испытуемых, в частности, с полом.

До недавнего времени в отечественной психологии данная методика использовалась лишь как "биографическая разминка" при проведении каузометрии [5], никак содержательно не интерпретирующаяся.

Ранее полученные нами результаты [7] подтверждают, что различные структуры рисунков Circles Test выявляют различное отношение к своему прошлому, настоящему и будущему и связаны с некоторыми особенностями личности. В частности, нами была выделена "расширяющаяся" структура рисунка (диаметр окружностей увеличивается слева направо, от прошлого к будущему), аналогичная future oriented temporal development по Т.Коттлу, которая значимо коррелировала с показателем осмысленности жизни по Д.А.Леонтьеву [10].

Полученные в данной работе результаты Circles Test были стандартизованы. По Т.Коттлу выделяются следующие критерии оценки рисунков:

- относительная величина кругов: присуждается по 2 балла каждой окружности большего размера, наименьшая окружность получает 0 баллов, окружности одинакового размера получают одинаковое количество баллов. Эта оценка характеризует temporal development.

- связь между кругами: отдельным кругам (atomistic) присуждается 0 баллов), поностью включенным друг в друга (projected) - 6 баллов, касающимся (continues design) - 2 балла, пересекающиеся круги (integrated) - 4 балла. Каждая связь оценивается индивидуально.

Нами было выделено 18 дополнительных критериев, из которых информативными оказались:

- отклонение от круга: кругу присуждается 0 баллов; овалу, эллипсу - 2 балла; значительно деформированному, искаженному кпугу - 4 балла;

- качество линии: за чистую линию присуждается 0 баллов, за нечетко соединенную окружность - 2 балла, за несколько раз наведенные (множественные) линии - 4 балла, за явное несовпадение наведенных линий - 6 баллов;

- расположение рисунка внизу листа: присуждается 1 балл,

расположение рисунка в верхнем левом углу листа: присуждается 1 балл.

При анализе всей выборки не обнаружены корреляции между показателями Circles Test и тестовыми оценками, большие 0,5 по Спирмену. Это может быть связано с формальностью параметров стандартизации Circles Test. Другим объяснением этого может послужить то, что на разных этапах жизненного пути личности одни и те же особенности личности могут быть по-разному связаны с ее временными представлениями.

Так, группы научных сотрудников и подростков обнаруживают отрицательную корреляцию относительно размера прошлого с общим показателем осмысленности жизни и некоторыми субшкалами теста смысложизненных отношений Д.А.Леонтьева (соответственно -0.538 и -0.526 по Спирмену), а группа пенсионеров обнаруживает прямо противоположную тенденцию (+0.748). В случае второй и третьей групп это объясняется их противоположным положением на "линии жизни", децентрациями в будущее и прошлое[5], соответственно, что ведет, с одной стороны, к образованию расширяющейся либо сужающейся структуре рисунка Circles Test (future or past dominant temporal development), а, с другой стороны, к увеличению вклада именно данного временного отрезка в общий показатель осмысленности жизни. Следует отметить, что увеличение на рисунке временного отрезка, противоположного направлению децентрации, ведет к уменьшению показателя осмысленности жизни.

Обращает на себя внимание, что для различных групп испытуемых наиболее информативными оказываются разные показатели. Например, для группы научных сотрудников наиболее информативным оказался показатель отклонений от круга в рисунке будущего, для группы подростков и юношей - такие показатели, как плохое качество линии в рисунке настоящего и будущего, а также рисунок внизу листа. Для группы пенсионеров наиболее информативными оказываются такие критерии, как отклонение от круга в рисунке прошлого, относительный размер прошлого, связь настоящего и будущего, а также рисунок в левом верхнем углу листа. Для группы бизнесменов наиболее информативным является критерий отклонения от круга в рисунке настоящего.

Интересно, что отклонения от круга не являются негативным критерием. В различных группах он положительно коррелирует с субшкалой теста смысложизненных отношений "локус контроля жизни" (+0.596; +0.517 по Спирмену) и положительной самооценкой (+0.684; +0.597; +0.554; +0.529), отрицательно - с рассогласованно-

тию самооценки (-0.845; -0.635; -0.549), показателями ситуативной (-0.645) и личностной тревожности (-0.716; -0.646). По видимому, этот тип рисунка связан с интернальным локусом контроля. Автор рисунка символически показывает свою власть над временем. То же можно сказать о парных критериях "рисунок внизу листа" и "рисунок в левом верхнем углу листа". Эти критерии противоположным образом коррелируют с одними и теми же тестовыми показателями (самооценка, ее рассогласованность) и показывают различное отношение испытуемого к пространству листа: в первом случае он чувствует себя хозяином, свободно распоряжается пространственным отображением своего времени, а во втором - помещает свой рисунок "куда положено". Характерно, что эти критерии оказались значимыми именно у тех групп испытуемых, которые находятся на разных полюсах жизненного пути (подростки и пенсионеры).

Интересен критерий "плохое качество линий", оказавшийся значимым в группе подростков и юношей. В случае настоящего он является положительным критерием, а в случае будущего - негативным. Плохое качество линии в рисунке настоящего положительно коррелирует с общим показателем осмысленности жизни (+0.578), а также с некоторыми субшкалами теста смысложизненных отношений (с субшкалами "результат" +0.551; локус контроля "Я" +0.523; локус контроля жизни +0.627). Плохое качество линии будущего отрицательно коррелирует с субшкалой "цель" теста смысложизненных отношений (-0.608). Возможно, это связано с явлением "нереалистического оптимизма" [5], характерного для подросткового возраста. В таком случае, множественность линий, может означать реализм, в случае настоящего являющийся адаптивным, а в случае будущего - ненормативным для данного возраста.

Таким образом, исследование показало, что методику "Циклический тест времени" Т.Коттла можно использовать в качестве модели для выявления структуры временных представлений в масштабе жизни личности. В рисунках испытуемых были выделены критерии, позволяющие предположить, что данную методику в дальнейшем целесообразно использовать для изучения личности "во времени".

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. - М.: Наука, 1971. - с. 159-198.
2. Андреас С., Андреас К. Сердце мозга. - Екатеринбург: МООПД, 1993.
3. Андреас С., Андреас К. Измените свое мышление и воспользуйтесь результатами. - СПб.; Ювента, 1994.

4. Братусь Б.С. К проблеме развития личности в зрелом возрасте. - Вестник МГУ, сер. 14, 1980, с. 3-12.
5. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. - Киев: Наукова думка, 1984.
6. Гуревич А.Я. Представления о времени в средневековой Европе. - В кн.: История и психология. - М.: Наука, 1971. - с.159-198.
7. Иванова Е.Ф., Климовская О.Ю. Об исследовании смысложизненных отношений личности. - В кн.: Матеріали других міжнародних психологічних читань "Актуальні проблеми сучасної психології" Секція "Методолгічні та теоретичні проблеми психології". - Харків: Ун-в. Внутр.справ, 1995. - с.50.
8. Кант И. Антропология с практической точки зрения. - Соч. в 6-ти т. М.: Мысль, 1966. - т.6, с.335-588.
9. Левин К. Определение понятия "поле в данный момент". - В кн.: Хрестоматия по истории психологии: Период открытого кризиса. - М.: Изд.МГУ, 1980. - с.131-145.
10. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных отношений личности. - В кн.: Практикум по психодиагностике. Прикладная психодиагностика. - М.: Изд-во МГУ, 1992.
11. Логинова Н.А. Развитие личности и ее жизненный путь. - В кн.: Принцип развития в психологии. - М.: Наука, 1978. - с.156-172.
12. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. - М., 1982.
13. Моргун В.Ф., Ткачева Н.Ю. Проблема периодизации развития личности в зрелом возрасте, - М.: Изд-во МГУ, 1981. - 84с.
14. Общая психодиагностика. Основы психодиагностики, немедицинской терапии и психологического консультирования / Под ред. А.А.Бодалева, В.В.Столина, - М., 1974
15. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. - М.: Просвещение, 1969.
16. Стеблин-Каменский М.И. Миф. - М.: Наука, 1976.
17. Тхостов А.М., Степанович Д.А. Влияние кризисных ситуаций на структуру самооценки. - Вопросы психологии, 1987, №2
18. Cottle T.J., Klineberg S.L. The Present of Things Future. Explorations of Time in Human Experience. - New York: Free Press, 1974.
19. Tzeng O.C. Individual Differences in Selfconception: a Multivariate Approach. - Perceptual and Motor Skills, 1977, v.45.

Н.П. КРЕЙДУН

К ВОПРОСУ ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ВОЛЕВОЙ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИН

В статті представлені результати дослідження емоційно-вольової сфери жінок-злочинць. Показано роль емоційної оцінки в факті скоіння злочину.

Анализу психологических проблем т.н. женской преступности в последнее время уделяется достаточно большое внимание. Изучаются различные аспекты этого явления. Вместе с тем, по нашему мнению,

еще недостаточно изучены особенности эмоционально-волевой сферы женщин-преступниц.

Нами было проведено пилотажное исследование, результаты которого могут представлять некоторый интерес для решения основной задачи криминальной психологии: поиска отличительных особенностей преступников от просоциальных граждан и использования адекватных для решения этой задачи методик исследования.

Теоретической предпосылкой данного и проведенных ранее исследований явилось понимание механизма преступного поведения как «процесса взаимодействия внешних факторов объективной действительности и личностных особенностей, детерминирующих факт совершения преступления» [1]. Иными словами, преступление — это «реакция» специфических личностных особенностей на конкретную ситуацию, прежде всего на ситуацию выбора нормативного или анормативного способа достижения цели.

Исследования проводились в исправительно-трудовом учреждении, в котором отбывают наказания женщины, осужденные за различные преступления. В нем приняло участие более 50 женщин в возрасте от 20 до 40 лет. В состав контрольной группы входили правополушные гражданки того же возраста.

В исследовании применялись следующие методы: беседа, позволяющая получить информацию об анамнезе преступления, опросники по определению склонности к риску и степени выраженности волевого самоконтроля, а также метод незаконченного рассказа, разработанный нами и успешно работающий в условиях пенитенциарных учреждениях.

Обратимся к результатам исследования. Изучая причины, приводящие к совершению преступления, мы отмечаем, что в большинстве случаев, раннее детство будущих преступниц было окрашено некоторой эмоциональной отчужденностью, которая выражалась в конфликтных отношениях с ближайшим социальным окружением. Эмоциональная нестабильность проявлялась и в случаях, когда речь шла об употреблении наркотиков /необходимость уйти в ирреальный мир, окрашенный яркими красками, где нет никаких проблем и все решается само собой/, а в случаях сложных взаимоотношений сексуального характера/особенно это фиксировалось в беседах с женщинами -убийцами/.

Исследуя особенности волевого самоконтроля, мы не зафиксировали видимых различий в результатах, полученных среди осужденных и в контрольной группе. Как преступницы, так и просоциальные женщины проявляют умеренную склонность к риску. Даже более 50% представительниц контрольной группы имеют повышенную склонность к риску, что вообще должно было бы характеризовать преступниц.

Более информативные результаты получены нами при использовании метода «Незаконченного рассказа». Не останавливаясь подробно на процедуре исследования /2/, отметим только, что в рассказе описана конфликтная ситуация решить которую необходимо трем героям: овдовевшему отцу, маленькому мальчику и его новой мачехе-красавице. Анализируя окончания рассказа, предложенные преступницами мы фиксировали следующее: отрицательная эмоциональная окраска, выход из конфликта по принципу «уход от ситуации» и месть предавшему мальчика отцу и его новой жене. Главный исполнитель всех этих агрессивных действий, ибо месть носила ярко выраженную агрессивную окраску, — мальчик. Наши испытуемые полностью идентифицировали себя с маленьким мальчиком. Отсюда и все их реакции имели ярко выраженную «детскую окраску». В контрольной группе получены противоположные результаты. Более, чем 80% случаев отмечалось идентификация со взрослыми героями. Что касается способа решения конфликта, то он был, как правило, рациональным и разумным с позиции всех героев.

Полученные результаты позволяют утверждать, что женщинам-преступницам присуща эмоциональная, окрашенная долей инфантилизма, оценка ситуации выбора нормативного или анормативного способа поведения в конфликте и такая оценка может возникать в качестве детерминанты преступного поведения, однако это утверждение требует дальнейшей экспериментальной проверки. Что касается методических приемов подтверждения гипотезы, то можно сказать, что наиболее информативными в условиях пенитенциарного учреждения, на наш взгляд, являются претивные методики исследования личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Механизм преступного поведения М., 1981 с. 30
2. Крейдун Н.П. Психологическое содержание криминогенного комплекса личности и его динамика в условиях изоляции от общества. Автореф. канд.дис. Харьков, 1991.

А.Н. ЛАКТИОНОВ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

Розглядаються психологічні ознаки перехідного періоду. Вводиться поняття нового соціального статусу, що складається з матеріального, суб'єктного та духовного компонентів. Експериментально виявлено зв'язок статусу з деякими характеристиками особистості.

Изменение социально-психологической ситуации в переходный период это не только обновление тематики психологических исследований, но и конструирование нового понятийного аппарата психологии. Т.к. данный процесс не может быть завершённым в принципе, а фактически он лишь начинается, полезно сосредоточить усилия на инвентаризации привычного. Обновление пространства исследований есть глубокий семантический процесс, объективно затрагивающий и научную терминологию. В противном случае, описывая новые и старые источники социализации индивида в старых терминах, невозможно вырваться из круга привычных представлений.

Оказавшись в ситуации смены обстоятельств, резкого изменения образа жизни, индивид в целях адаптации начинает определять границы своих возможностей, пересматривать свои оценки себя и других, пригнозировать меру приложимости прошлых способностей, искать способы компенсации потерянного.

В этих условиях как в социуме, так и в сознании отдельного индивида должны постепенно выкристаллизовываться новые стратегии социального движения, направленные прежде всего на поиск форм стабилизации нестабильного. В настоящее время такие формы ещё не установились, потому что первоначально должен быть поставлен вопрос о новых критериях жизнедеятельности социума и индивида. Без этого новый социальный опыт не может эффективно прийти на смену старому социальному опыту.

Очевидно, что психологических и социально-психологических критериев, отличающих новый социум от прежнего может быть достаточное число. В рамках системного подхода, принятого нами в ранге методологии, можно сделать предположение о том, что в качестве системообразующего фактора, определяющего внутреннюю логику развития нового социума, может выступить новый социальный статус субъекта переходного периода.

Актуальность и проблемы нового социального статуса не требуют дополнительной аргументации, если обратиться к Краткому психологическому словарю (1985), на сегодняшний день все ещё Энциклопедии психологии: "С т - а т у с (от лат. status - положение, состояние) - положение субъекта в системе межличностных отношений, определяющее его права, обязанности и привелегии. В различных группах один и тот же индивид может иметь разный статус. Существенные расхождения в статусе, который приобретает индивид в группах, различающихся по уровню группового развития, содержанию деятельности и общения, нередко становятся причинами фрустрации, конфликта и т.д. Важными характеристиками статуса являются п р е с т и ж и а в т о р и т е т как своеобразная мера признания окружающими заслуг индивида [2]. О престиже в Словаре говорится следующее. П р е с т и ж

(от фр. prestige - авторитет, влияние) - мера признания обществом заслуг индивида; результат соотнесения социально значимых характеристик субъекта со шкалой ценностей, сложившейся в данной общности. В капиталистическом обществе показателями престижа выступают обычно крупный счет в банке, местожительство в "аристократическом" районе, марка автомашины, упоминание в светской хронике и т.п. В социалистическом обществе основанием для обретения престижа являются социально ценные характеристики личности: высокие нравственные качества, активное участие и достижения в общественно полезной деятельности" [2]. И наконец. **А в т о р и т е т** (от лат. *autoritas* - влияние, власть) - влияние, которым пользуется группа или индивид в различных сферах жизни, основанное на признании их о п ы т а, знаний, нравственных достоинств и т.д." [2].

Очевидная смена общественных критериев престижа, неостребованность либо инфляция старого опыта делают проблему статуса одной из центральных для его носителя.

Социальный статус в ситуации смены ценностей, когда старые еще не отвергнуты, а новые не только не институализировались, но даже идеологически не оформились, становится также актуальной теоретической и практической проблемой психологической науки.

В рамках марксистской методологии нормативной для статуса личности полагается определяющая роль социальной среды (классы, слои, коллективы, группы). Сюда же, в сущности, примыкает и концепция статусных групп М.Вебера. Во всех случаях необходимым условием приобретения статуса является принятие индивидом ценностей той общности, к которой он принадлежит и вклады в развитие которой он производит [1].

Не случайно, поэтому, одним из общепринятых методов измерения статуса является референтометрия.

Определение социального статуса с помощью референтометрии не всегда возможно. Во многих случаях нахождение и привлечение к эксперименту референтной или номинативной (место работы) группы крайне затруднительно. Психологи-практики часто испытывают трудности в связи с релятивностью и размытостью критериев референтности. Например, у Робинзона тоже был социальный статус. Его наиболее адекватная оценка была не что иное как самооценка Робинзона. Уникальность ситуации исчезла с появлением Пятницы. С нашей точки зрения субъективное представление о собственном статусе не менее важно и является такой же реальностью как и его внешняя оценка.

Согласно выдвинутому К.Левином принципу психологического единства личности и окружающего мира [4] субъективное и социальное пространство ценностных ориентаций взаимно преломляются, в соответствии с процессом и характером переработки индивидом раз-

ных обстоятельств жизни, что является предпосылкой образования у него собственного критериального поля оценок и реакций.

Исследовательская задача переходного периода заключается как раз в том, чтобы выявить процесс выработки новых критериев социальной активности, одновременно ценных для отдельного индивида и для социума.

Индивид может завоевывать положение в обществе, проявляя свою активность в различных сферах. Традиционно к таким сферам относятся материальная и духовная. И та и другая в новое время претерпели большие изменения.

Социальный и психологический вес материального обеспечения на фоне резкого расслоения в обществе имеет собственную динамику. Стартовые условия всеобщего приблизительного равенства в период инфляции привели к тому, что обнищание и бедность оказались в ранге социально вполне принимаемого явления ("не стыдно быть бедным"). Дальнейшее движение общества к рыночным отношениям стимулировало новые ценностные ориентации социального осуждения и психологического одобрения самого факта материального достатка ("стыдно быть бедным"). Во всяком случае стало ясно, что решающим условием роста социального статуса стал успех в материальном отношении. Нужно сразу оговориться, что в настоящее время полезно строго различать ценности "достигнутого успеха" и "желаемого успеха", которые совершенно по-разному влияют на формирование нового социального опыта человека.

Социальный и психологический вес духовности также меняется. Духовность предполагает наличие идеала или идеалов. Однако ситуация стала маргинальной. Мистический идеал отброшен, а проникновение в нашу среду западной "бизнесово-долларовой маскультуры" приводит к формированию новой "духовности". Так называемый "остаточный принцип" в отношении институтов духовной сферы, явно реализуемый в официальной политике, массово переместился в индивидуальное сознание.

В нынешнее время прочное место в общественном сознании занял ещё один компонент человеческой активности, который не имеет корней в тоталитарном обществе, - субъектность. В нём отражено то, какую личную позицию занимает человек по отношению к своей собственной судьбе. Социум переходного периода рассматривает как ценность интернально/экстернальный тип социальной активности. В предыдущем разделе было показано, что "локус контроля" является дифференцирующей характеристикой личности в переходный период. В социальном плане ценным для социального статуса оказывается субъектная позиция индивида к той социальной реальности, в которой он себя реализует.

Таким образом, ставя перед собой задачу раскрытия психологического содержания социального статуса индивида в новых условиях ("новый социальный статус"), мы исходили из предположения, что в основе создания (построения, завоевания) нового социального статуса лежат три слагаемые: материальная сфера, духовность и субъектность.

Данная исходная посылка может быть представлена в общем виде следующим образом:

$$HCC = f(M, D, C), \text{ где} \quad (1)$$

HCC - новый социальный статус;

M - материальная сфера;

D - духовность;

C - субъектность.

Экспериментально-психологическая проверка выдвинутого представления о новом социальном статусе предполагает предварительное решение ряда вопросов: 1- какова аналитическая форма данной функциональной зависимости; 2- каковы весовые коэффициенты составляющих социального статуса; 3- каковы психологические средства обоснования валидности изучаемого понятия.

1. Формула нового социального статуса имеет следующий вид:

$$HCC = m M + n C + p D, \text{ где} \quad (2)$$

2. Для установления численных значений коэффициентов была проведена экспертная оценка, позволившая выявить методом парных сравнений следующие значения весовых коэффициентов (округленно):

3. 0 для M, 2.0 для C и 1.0 для D, что дает возможность представить окончательный вид формулы:

$$HCC = 3M + 2C + D \quad (3)$$

В данной статье ставится задача экспериментального изучения психологического содержания понятия новый социальный статус индивида в условиях переходного периода.

Как мы полагаем, социальный статус, а также субъективное представление о нем, является одним из основных моментов на пути формирования социального опыта индивида в новых условиях. Важным для данного экспериментального подхода является теоретическое представление о том, что в настоящее время, когда критерии социальной активности, типы общественного сознания меняются хотя и вместе с индивидуальным сознанием, но часто, быстрее последнего, более адекватным является изучение феномена социального статуса не со стороны размытой референтной группы, но со стороны самого субъекта собственного статуса.

Гипотеза исследования состоит в том, что в ситуации переходного периода новый социальный статус объективно ориентирован на переходный период, на настоящее время. Он представляет собой

сложное многокомпонентное образования, отдельные части которого не имеют достаточного сопряженности как внутри, так и по отношению к прошлому и будущему субъекта. При этом статусные приоритеты массового сознания находятся более всего в области материальных достижений членов общества.

Методика и процедура эксперимента

Процедура эксперимента была направлена на измерение различных показателей социального опыта в статусной, символической и оценочно-самооценочной сферах жизнедеятельности индивида.

Эксперимент состоял из двух серий. В первой основной серии измерялась оценка испытуемым своего нового социального статуса по трем компонентам: материальному, субъектному и духовному (статусная сфера). С этой целью был разработан опросник "Новый социальный статус", содержащий 21 утверждение.

Утверждения были подобраны таким образом, чтобы избежать эффектов социальной желательности и угрозы.

Во второй дополнительной серии измерялось психосемантическое пространство слов-понятий из старого и нового опыта испытуемого (символическая сфера). С этой целью была разработана методика "Психографический словарь", содержащая 50 слов, известных испытуемому в прошлом и вышедших из активного употребления в настоящее время ("субботник", "пионер", "радиола" и т.п.); 50 слов, известных испытуемому появившихся в новое время и вошедших в активное употребление ("таможня", "казино", "дивиденд" и т.п.). Дополнительно в качестве контрольных, в соответствии с известными требованиями психодиагностики, был включен ряд несуществующих слов ("спикерон", "капорий", "орбис" и т.п.), а также слова, отражающие общечеловеческие ценности, для установления верхней границы субъективной шкалы ("родина", "семья", "здоровье" и т.п.). В качестве буферных были введены слова-понятия из повседневности ("карандаш", "улица", "молоток" и т.п.).

Испытуемому было необходимо сложить в случайном порядке карточки с написанными на них словами, разложить по кругам разного диаметра, расположенным перед ним. В случае, если испытуемый не был знаком по каким-либо причинам с данным словом, он откладывал его в сторону.

Самооценка и оценка других проводилась с использованием метода личностного семантического дифференциала (оценочно-самооценочная сфера).

В эксперименте приняло участие 68 человек, жителей г.Харькова, Донецка, Ялты, представителей разных ("старых" и "новых") видов профессиональной деятельности, в возрасте от 20 до 64 лет, 39 мужчин и 29 женщин.

Результаты, полученные в эксперименте по статусной сфере, свидетельствуют о больших индивидуальных различиях как по отдельным компонентам (особенно, по материальному), так и по обобщенному показателю нового социального статуса (от 9 до 37 баллов). Обсуждение содержательной стороны данного факта стало возможным при учете результатов корреляционного и факторного анализа.

То же самое следует отнести и к результатам, полученным в символической сфере с помощью методики "Психографический словарь". Фактов дискредитации испытуемыми экспериментальной процедуры отмечено не было: несуществующие слова практически все были отложены в сторону; процедура раскладывания слов-понятий по кругам оказалась для испытуемых понятной и удобной.

Более подробно следует остановиться на первичных результатах, полученных в оценочно-самооценочной сфере [см. Табл.1].

Из Табл. 1 видно, что наиболее резкое различие в оценке себя и других наблюдается по фактору "Оценка". Как и в предыдущих наших исследованиях [3] испытуемые достаточно высоко оценивают собственные личностные качества, демонстрируют достаточный уровень самоуважения на фоне неприятия других, тем самым как бы выводя себя из нового социума.

Таблица 1. Сравнительные данные оценочно-самооценочной сферы социального опыта.

Факторы объект	Оценка	Сила	Активн ость
"Я"	12.80	6.53	7.43
"другие"	-2.53	0.56	4.53
уровни значимости	$p < 0.00$	$p < 0.01$	н.зн.
	1		

По фактору "Сила" испытуемые так же, хотя и не резко, отличают себя от других в лучшую сторону по волевым и деловым характеристикам личности. Данный факт приводит к мысли о том, что в условиях не очень привычной для постсоветского человека конкуренции (реальной или воображаемой) установка на то, что другие "похуже" формирует в индивидуальном сознательно асимметрию в представлении о других. Дело не в том, что все "другие" стали хуже, психологическая странность в том, что каждый о "других" такого мнения. За этим кроется суть феномена общего негативного сдвига.

Определенный рост социального напряжения возникает из-за того, что каждый считает себя более достойным нового времени, чем другие.

"Негативная" диспозиция в отношении социума имеет одновременно и социальную и психологическую природу.

Ослабление патерналистской ориентации в стратегии жизни индивида ("государство обеспечивает и должно обеспечивать нормальные условия жизни") выдвигает на первые роли другие стереотипы - среди них субъектность ("беру ответственность за собственную судьбу на себя") либо эскапизм ("моя хата с краю"). Интернальная (субъектная) ориентация является непривычной и субъективно трудной, поэтому никогда не бывает массовой. Например, количество граждан, для которых предпринимательство является комфортным видом деятельности, гораздо меньшее, чем тех, которые именуют себя предпринимателями.

Наоборот, общая неготовность советских людей к новым формам жизнедеятельности, отсутствие нового опыта приводят к массовому эскапизму.

Данные социальные изменения требуют от индивида выработки особой тактики самооправдания, направленной на то, чтобы ослабить бремя личной ответственности. Спасительным для индивида становится хорошо известный перенос самообвинения на обвинение социума, власти, ближайшего окружения и т. п. Важно подчеркнуть, что объект негативных оценок отличается размытостью, безадресностью, является своеобразным "совокупным объектом". Если, например, провести оценочную процедуру "своих людей", то реально нормативно-положительные оценки восстанавливаются (вообще - сотрудники, знакомые, соседи стали "хуже", но по отдельности каждый не изменился и остается таким же "хорошим" как и я сам). Поэтому в настоящее время пространство коммуникаций не имеет личностной инвективной нагрузки: когда, например, двое "разговаривают о жизни" и обвиняют социум, то это не приписывается данным участникам диалога.

Косвенным подтверждением той мысли, что негативный сдвиг в отношении окружающих есть сброс ответственности с себя, служат результаты сравнения глубины обвинения с собственным социальным статусом: лучше адаптировавшиеся к новой жизни более позитивно оценивают и других.

Вводя в рассмотрение материальный, субъектный и духовный компоненты социального статуса, мы, тем самым, определяем основные формы социальной активности для достижения субъектом необходимого положения в обществе. Приоритет той или иной формы, в конечном итоге, определяет содержание социального опыта. Возника-

ет вопрос - сопрягаются ли в сознании и поведении индивида данные компоненты социального статуса в переходный период?

Таблица 2. Взаимосвязь статусной и оценочно-самооценочной сфер.

Таблица 2. Реализация статусной и оценочно-самооценочной сфер.								
Сферы	статусная			оценочно-самооценочная				
	Компонент	М	С	Д	“Я”-о	“Я”-с	“Др”-о	“Др”-с
	М	////////						
	С	*	////////					
	Д			////////				
	“Я”-о			*	////////			
	“Я”-с	*	*			////////		
	“Др”-о				*		////////	
	“Др”-с							////////

* - $P < 0.05$

** - $P < 0.01$

Из таблицы 2 видно, что значимая корреляция обнаружена лишь между материальным и субъектным компонентами. Связь представляется неслучайной, так как в условиях зарождающихся рыночных отношений материальный успех в решающей степени стал зависеть от собственных предпринимательских усилий индивида. Высокая или низкая духовность, культура, мораль, по-видимому, перестали быть приоритетными в отношении нового социального статуса.

Но в таком случае резко снижаются предпосылки для формирования цельной личности, ориентированной на ценности общества. Социальный опыт человека, вынуждаемого на уровне жизненных стратегий выбирать "или - или" между материальным и духовным становится мозаичным, дезинтегрированным.

Вывод о дезинтеграции социального опыта (не в драматургическом, а в фазово-динамическом смысле) имеет и дополнительное обоснование.

Можно было бы предположить, что ориентация индивида на какую-нибудь одну составляющую опыта является жизнеспособной, так как впоследствии произойдет своего рода генерализация части на все пространство социального опыта ("прежде духовного развития необхо-

димому создать материальную базу" и наоборот, либо "мне и так неплохо" и т.п.). В данном случае речь не идет о некоем морализаторстве. Психические процессы, разворачивающиеся в индивидуальном сознании, не могут развиваться строго параллельно, стремление к интеграции является важнейшей характеристикой человеческого опыта. Однако, в условиях, когда само общество, его ценностные императивы не являются внутренне согласованными, индивид испытывает состояние социальной дезориентации, а его опыт не является интегрированным.

С точки зрения социологии правильно было бы говорить о частях общества, выбравших свой путь достижения необходимого социального статуса. Замечание психологии состоит в том, что несопряженные программы социальной активности размещены в отдельном индивиде, что, в конечном итоге, проявляется в мозаичности его социального опыта.

Как мы предполагали, выявилась положительная связь компонентов нового социального статуса с самооценкой субъектов статуса. Наиболее значимой оказалась корреляция компонента субъектности с оценкой себя по фактору "Сила". По-видимому, в переходный период это тот канал, через который происходит "личностное обеспечение" нового социального феномена, которым является субъектное (самостоятельное, авторское, интернальное) отношение к действительности.

Компоненты нового социального статуса оказались не связанными с оценкой "других". Этим дополнительно подчеркивается, что отношение индивида к собственному статусу и способам его достижения прямо не ориентировано на возможности, потребности и личностные характеристики окружающих.

Обнаружилась связь между оценкой себя и оценкой других по фактору "Оценка". На фоне общего негативного сдвига в оценке других, особенно по фактору "Оценка", о чем уже говорилось, оказалось, что индивидуально степень "негатива" зависит от того, как индивид принимает самого себя: люди с более высокой самооценкой не так сильно снижают уровень принятия других, снижение уровня самоуважения проецируется на выраженное негативное отношение к окружающим.

Как вытекает из результатов исследования, новый социальный статус как взвешенная совокупность его материального, субъектного и духовного компонентов оказался положительно связанным в оценочно-самооценочной сфере с единственным показателем - оценкой испытуемыми себя по фактору "Сила". Данное обстоятельство, а также отсутствие связи с оценкой себя по фактору "Оценка", кроме того, отсутствие сколько-нибудь значимой ориентации на "других", свидетельствует о том, что сам новый социальный статус не стал еще

стабильной нормативной характеристикой индивидов в формирующемся общественном сознании. Движение в направлении нового социального статуса индивиды связывают не с нравственно-эмоциональными характеристиками личности ("обаятельный", "честный" и т.п.), но в первую очередь с ее волевыми и деловыми качествами ("сильный", "самостоятельный" и т.п.).

Реалистичность нового социального статуса проявилась в характере его взаимосвязи с отдельными показателями с и м в о л и ч е с к о й сферы. Выявились два случая отрицательной корреляции с характеристиками психографического словаря. Такими оказались слова-понятия из материального аспекта старого и нового опыта. Оказывается, что, чем более весома оценка социального статуса субъектом, тем менее ценностными, привлекательными становятся для него слова-понятия из материальной жизни, точнее то, что стоит за этими словами в его воображении.

Привлекательность материального успеха уже приобрела "легитимность" у большинства членов общества, однако сам материальный успех для одних стал реальностью, у других все еще объективирован в желаемом. Можно заключить, что социальный опыт тех, кто уже добился материального успеха, формируется более динамично в смысле вхождения в новые общественные отношения.

Результаты эксперимента показали существенные различия между мужчинами и женщинами в направлении и способах формирования социального опыта в настоящее время.

В статусной сфере различий по компоненту материальных достижений не выявлено. Субъектная (интернальная) форма социальной активности оказалась более выраженной у мужчин.

В оценочно-самооценочной сфере женщины обнаружили более высокий уровень самооценки, самоуважения. Мужчины выше, чем женщины оценивают волевые и деловые качества окружающих, других членов сообщества.

В символической сфере, где ценностные ориентации индивидов переходят в область желательного, воображаемого, мужчины не представлены. Женщин более, чем мужчин привлекают слова-понятия из нового опыта, в равной мере по материальному, субъектному и духовному компонентам.

В о з р а с т н ы е различия, вопреки нашим ожиданиям, не оказались сколько-нибудь выразительными. Они отсутствуют в статусной сфере, хотя возрастной диапазон экспериментальной группы был достаточно широким. Привычная еще в недавнее время, да и вообще в стабильном обществе, тенденция постепенного с возрастом повышения социального статуса, общественного уважения к накопленному опыту фактически исчезла. Выяснилось, что переходному периоду "все

возрасты покорны", хотя индивидуальные стратегии и драмы вхождения в новый опыт безусловно различны.

Из полученных результатов видно, что молодые выше оценивают волевые и деловые качества окружающих. (В психодиагностике известен феномен, когда оценивая "других" испытуемые проецируют оценки прежде всего на возраст, близкий к своему).

Старший возраст заявил о себе в символической сфере, где для него сохранили ценность слова-понятия из прошлого (духовный и субъектный компоненты).

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер. Избранные произведения.- М.: Прогресс, 1990.- 804с.
2. Краткий психологический словарь. Под общ. ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского.- М.: Политиздат, 1985.- 431с.
3. Лактіонов О.М. Особовий соціальний простір перехідного періоду. В сб.: Харьковские социологические чтения - 95: Доклады и сообщения участников.- Харьков, КиПи-Принт. 1995.- С.23-26.
4. Левин К. Конфликт между аристотилевским и галилеевским способами мышления в современной психологии // Психол. журнал. - 1990.- Т.11.- № 5.- С.135-158.

В.Л. ЛАПШИНА

НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В ВУЗЕ КАК ФАКТОР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Стаття присвячена проблемі організації системи морального виховання у ВУЗах МВС України. Автор визначає основні цілі, методи результати цієї роботи, вплив її на процес формування у ВУЗі професійної та моральної культури майбутніх правоохоронців, а також значення морального виховання для профілактики та подолання проявів професійних деформацій співробітників ОВС.

Трансформация социального в индивидуальное в сфере морали и общественных нравственных ценностей, во внутренние убеждения личности и ее потребности это сложный процесс, осуществляющийся на основе как стихийно действующих факторов, так и воспитания. Нравственное воспитание предусматривает формирование широкого круга механизмов поведения, обеспечивающих осознанность осуществляемых поступков, развитие и самосовершенствование человека, повышение его социальной активности, а так же служат препятствием на пути возникновения социальных и профессиональных деформаций личности. Этой проблеме хотелось бы уделить особое внимание.

Ситуация сегодня складывается таким образом, что наряду со значительным ухудшением правопорядка в Украине /количество тяжких преступлений за 7 месяцев 1996г. выросло по сравнению с аналогичным периодом 1995г. на 60% [см.3] наблюдается резкое обострение так называемого кадрового вопроса в органах внутренних дел. Так за 8 месяцев 1996г. по причине профессиональной непригодности было уволено 544 сотрудника ОВД, 250 из них были привлечены к уголовной ответственности за совершение преступлений [см.1]. В этой связи можно предположить, что процессы социальных деформаций и профессиональных тесно сопряжены друг с другом и имеют общие корни: низкий уровень общей и профессиональной культуры, слабая социализация и профессиональная адаптация личности, недостаточная степень развитости морально-нравственных характеристик. Поэтому важно организовать в Вузах, готовящих специалистов для органов внутренних дел, эффективную систему нравственного воспитания, способствующую активной социальной и профессиональной адаптации курсантов и слушателей, самоидентификации их как сотрудников ОВД и препятствующую в определенной мере возникновению профессиональных деформаций в их среде.

Необходимость организации постоянно действующей эффективной системы нравственного воспитания в ВУЗе диктуется несколькими причинами. Во-первых, тем, что человек не рождается нравственным существом, а только может стать им в процессе своей жизнедеятельности.

Во-вторых, тем, что для усвоения коллективного морального опыта, объективизирующегося в культуре, человек нуждается в помощи других людей, посредников-воспитателей, которые уже овладели этой культурой.

В-третьих, тем, что личный опыт любого человека отображает прежде всего индивидуальные интересы. Осознание курсантами и слушателями общечеловеческих ценностей, формирование способности ориентировать свое поведение на них - сложный процесс, предполагающий целенаправленное воздействие воспитателя.

И, наконец, тем, что процесс нравственного воспитания не начинается и не заканчивается в период обучения в ВУЗе. Курсанты приходят в ВУЗ с уже во многом сформированными взглядами на жизнь, принятые в обществе нравственные нормы и ценности, т.е. с определенным уровнем зрелости нравственной культуры. Однако обучение в ВУЗе предполагает необходимость вхождения курсанта в социальную среду, обусловленную выбранной профессией, самоидентификацию его как сотрудника ОВД. Следовательно, перед преподавателями и воспитателями ВУЗов системы МВД Украины встает задача обеспечения преемственности процесса морального воспитания /семья - школа

— армия — трудовые коллективы и т.д./, а также содействия социализации курсантов и слушателей, формированию зрелых специалистов, отличающихся высокой степенью развитости интеллектуально-профессиональных, социально-культурных и морально-волевых качеств личности, которые отображают уровень сформированности их профессиональной и нравственной культуры. При этом важно учитывать, что профессиональная и нравственная зрелость специалиста определяется согласованностью его социальных характеристик, и поведения.

Таким образом, основной целью нравственного воспитания в ВУЗах системы МВД Украины является обеспечение профессиональной и социальной адаптации курсантов и слушателей, а также профилактика профессиональных деформаций за счет осознанного усвоения общечеловеческих и профессиональных нравственных норм и ценностей. Это предполагает решение следующих конкретных задач:

1/ определение системы нравственных норм, необходимых для эффективной деятельности сотрудников ОВД;

2/ оценка исходного уровня нравственного развития курсантов, включающего морально-волевые качества личности, ценностные ориентации, мотивы, установки, а также особенности поведения;

3/ коррекция этого уровня в соответствии с нравственными требованиями, регулирующими поведение сотрудников ОВД в профессиональной и социальной сферах.

Необходимо отметить, что процесс нравственного воспитания в ВУЗе системы МВД Украины предусматривает не последовательное, а параллельное решение этих задач. Нравственное воспитание состоит в одновременном и непрерывном целенаправленном воздействии воспитателя на курсантов /слушателей/ и проверки степени усвоения основных моральных норм и ценностей, а также реализация их в конкретных действиях и поведении обучающихся, т.е. помощь и контроль за процессом социализации, профессиональной адаптации и самоидентификации курсантов и слушателей.

Еще одной особенностью нравственного воспитания в ВУЗах системы МВД Украины является то, что специфика будущей профессиональной деятельности курсантов и слушателей требует приоритетного проявления таких моральных качеств личности, как справедливость, толерантность, честность, неподкупность, чуткость и др., по сравнению с представителями других специальностей. При этом важно учитывать, что основы будущих профессиональных деформаций во многом складываются значительно раньше, чем начинается практическая профессиональная деятельность. Поэтому еще на этапе профессионального отбора целесообразно путем анализа ценностных ориентаций и мотивации выбора профессии абитуриентами по возможности

четко дифференцировать их, отсеивая людей психологически неустойчивых, асоциальных либо социально дезадаптированных, а также с искаженной системой ценностных ориентаций. С теми же из них, кто пройдет конкурсный отбор, необходимо проводить постоянную активную работу по нравственному воспитанию с целью закрепления закрепления социальной профессионально значимых качеств и формирования устойчивости и невосприимчивости к негативному и разрушающему воздействию «агрессивной среды», в которой приходится работать сотрудникам органов внутренних дел.

Итак, усвоение моральных норм на уровне внешних императивов, отвечающее этапу социальной адаптации процесса социализации, и переход их во внутренние убеждения /этап интериоризации/ непосредственно связаны с такими побудителями к деятельности, как ценностные ориентации, мотивы, установки. Поэтому основным направлением деятельности преподавателей и воспитателей в области нравственного воспитания является социально направленная коррекция ценностных ориентаций мотивов и установок курсантов /слушателей/. Осуществляется это прежде всего посредством гуманизации всего учебного процесса, пропаганды общечеловеческих моральных норм и ценностей не только при изучении общегуманитарных дисциплин /истории, философии, социологии, социальной психологии. этики/, но и специальных наук, в первую очередь таких, как оперативно-розыскная деятельность, криминология, организация деятельности ОВД, социальная экология и др. Это будет содействовать выработке у курсантов и слушателей отношения к человеку как к наивысшей ценности, а не способу достижения личных целей, что, в свою очередь, способствует выработке особого «имунитета», препятствующего развитию профессиональных деформаций личности.

Необходимо отметить, что результаты нравственного воспитания представляют собой реализацию моральных чувств и качеств в повседневном поведении и практической деятельности курсантов /слушателей/. Поэтому большую роль играет контроль со стороны воспитателей и преподавателей ВУЗа за этим процессом. Контроль может осуществляться как путем непосредственного наблюдения за поведением курсантов /слушателей/ во время учебы и в быту, так и с использованием в ходе учебного процесса /на семинарских и практических занятиях/ и во внеучебное время ролевых и деловых игр, социального моделирования и анализа конкретных ситуаций. Такая работа позволит подготовить будущих сотрудников правоохранительных органов к некоторым специфическим трудностям профессиональной деятельности, выступая в то же время в качестве профилактического средства против возможных профессиональных деформаций.

Таким образом, нравственное воспитание — весьма сложный процесс, осуществление которого связано с преодолением целого комплекса специфических трудностей. Во-первых, учитывая, что курсанты приходят в ВУЗ с уже сформированным определенным уровнем зрелости нравственной культуры, перед воспитателями встает задача коррекции некоторых их ценностных ориентаций, мотивов, установок в соответствии с требованиями, выдвигаемыми обществом к сотрудникам ОВД, а процесс перевоспитания всегда сложнее, чем воспитания. В такой ситуации большое значение приобретает индивидуальный подход с использованием: личных и групповых бесед, совместная организация досуга воспитателей и слушателей и др.

Во-вторых, моральное воздействие на личность курсантов осуществляют не только воспитатели, но и окружающая среда. К тому же это воздействие, к сожалению, зачастую имеет весьма негативную направленность. Дело в том, что по сути сотрудники ОВД вы полняют роль буфера между социально дезадаптированными элементами и законопослушными гражданами. Естественно, кроме того, что в условиях нашего социально деформированного общества постоянное воздействие искаженной системы ценностей влияет на структуру личности будущих сотрудников ОВД, содействуя возникновению у них в последствии профессиональных и социальных деформаций. Поэтому достаточно целесообразным, в рамках нравственного воспитания является использование социально-психологических тренингов и ролевых игр, создающих эффект групповой рефлексии и дающих навыки совместного определения оптимальных методов разрешения неоднозначных и проблемных ситуаций.

И, наконец, еще один важный момент. Основным методом нравственного воспитания во внеучебное время является метод морального примера, т.е. курсанты / слушатели/ должны видеть, что у их преподавателей и воспитателей слово не расходится с делом и они не только пропагандируют основные социальные и профессиональные моральные нормы и ценности, но и свою деятельность осуществляют в строгом соответствии с последними. Однако большое число правонарушений и преступлений, совершаемых сотрудниками ОВД /за 6 месяцев 1996г. ими было совершено 19 умышленных убийств; 13 изнасилований; 16 раз неправомерно применялось огнестрельное оружие, что привело к гибели 5 человек/, делает эффективность этого метода весьма проблематичной. Поэтому большое значение приобретает организация системы непрерывного нравственного воспитания сотрудников МВД Украины в рамках служебной подготовки во все подразделения, в том числе и для преподавателей и воспитателей ВУЗов, что должно способствовать недопущению распространения: социальных и профессиональных деформаций личности в системе правоохрани-

тельных органов. Таким образом, проблема нравственного воспитания в ведомственных ВУЗах МВД Украины занимает весьма важное место в системно предупреждения профессиональных деформаций в данной среде, поскольку пущенный на самотек этот процесс у работников силовых структур может привести к непредсказуемым последствиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барсукова И.М. Затягнули пояса можна, аби кримінальної війни не було // Именем закона, 1996, №38
2. Боровский М.И. Детерминизм и нравственное поведение личности. — Минск, «Наука и техника», 1974. — 224с.
3. Дурдинец В. До боротьби зі злочинністю— загальнодержавний підхід // Именем закона: 1996, №33
4. Яновская М.Г. Эмоциональные аспекты нравственного воспитания. — М.: Просвещение, 1986. — 160с.

ЛУБЕНЕЦ Н.

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКИХ И СААМОВ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Було проведено оцінку міжетнічної взаємодії росіян та саамів. На цей час діється процес асиміляції, при якому саамі преймають культуру росіян. Психологічні особливості саамів утрудняють відродження їх національної культури.

Современная наука стоит перед проблемой, которую принято называть проблемой народов Крайнего Севера. Она имеет несколько аспектов, в том числе и психологический.

Развитие и освоение Крайнего Севера сопровождается активным взаимодействием между коренным и пришлым населением. Вследствие этого малые народы постепенно утрачивают свою самобытность. Внедрение нетрадиционных форм деятельности, непривычных норм поведения, утрата языка негативно сказывается на психологическом самочувствии представителей этих народов. Отсюда возникает необходимость психологического изучения малых народностей Севера, особенностей межэтнического взаимодействия их с другими народами.

К малым народностям Севера относится небольшой народ саами. В настоящее время саами, как и другие подобные им народы, испытывают национальный кризис, сопровождающийся оскудением культуры, утратой языка.

В связи с этим было проведено исследование, направленное на изучение психологических аспектов межэтнического взаимодействия русских и саамов. Было сделано предположение, что особенности на-

родного характера саамов послужили одним из факторов, обусловивших кризис их национальной культуры.

В исследовании были использованы несколько методик: цветовой

тест отношений, свободный ассоциативный эксперимент, тест Руки, интервью. Участвовали две группы испытуемых (русские и саамы) идентичные по своему составу.

Саами относятся к финно-угорским народам. В настоящее время в России они населяют Кольский п-ов. Другие народы называют саамов лопарями. С 16 в. по велению Ивана Грозного началось крещение саамов. В последствии это привело к разделению саамских земель, и восточные лопари перешли под власть России.

Изначально у саамов существовала своя хорошо развитая система религиозных верований, поэтому христианство с трудом приживалось на саамской земле. Но постепенно саами стали утрачивать свои исконные верования и с ними свою культуру. Процесс этот усилился в 20 веке, в связи с политикой советского государства, направленной на нивелирование национальных культур, создание "единого советского народа".

Английский исследователь С. Бокнер предложил четыре наиболее общие категории последствий межкультурных контактов:

- геноцид, т.е. уничтожение группы;
- ассимиляция, когда одна группа постепенно перенимает или принуждается к принятию обычаев, верований, нравов и т.д. доминирующей группы вплоть до полного растворения в ней;
- сегрегация, т.е. курс на раздельное развитие групп;
- интеграция, когда группы сохраняют свою самобытность, но объединяются на другом значимом для них основании. Также Бокнером были выделены четыре соответствующих возможных результата межкультурных контактов для индивида:
 - "перебежчик" отбрасывает свою культуру, принимая чужую;
 - "шовинист" отрицает значение чужой культуры, преувеличивая собственную;
 - "маргинал" колеблется между двумя культурами, как следствие, возникает внутриличностный конфликт, путаница в идентичности, неспособность удовлетворить требования двух культур;
 - "посредник" синтезирует две культуры, способен быть связующим звеном между ними.

Результатом межкультурного контакта русских и саамов явился процесс ассимиляции. Подтверждение этого факта служит оценка социально-психологической ситуации представителями обеих наций, которая сводилась к тому, что саами утрачивают свою культуру, язык, не имея возможности заниматься традиционными видами дея-

тельности, перенимают формы поведения, не свойственные им. Это сопровождается определенной оценкой друг друга представителями русского и саамского народов.

Гетеростереотип русских по поводу саамов состоит из двух частей. В одной части находятся определения, описывающие саамов как добрых и покладистых, в другой, значительно большей, ассоциации отражают пренебрежительное, презрительное отношение к саамам. При этом в интервью русскими декларировалось положительное или индифферентное отношение, а негативное приписывалось саамам по отношению к ним. Но в гетеростереотипе саамов по поводу русских негативно окрашенные определения встречаются лишь в одной группе о жестокости и грубости русских. В подавляющем большинстве определений саами воспринимают русских как активных, смелых, открытых, доброжелательных. Отношение саамов к русским можно считать в целом позитивным. В то время как со стороны русских проявляется двоякое отношение: описание положительных характеристик и проявления неприятия саамов. Т.е. доминантная группа проявляет больше неприязни по отношению к подавляемой группе, чем последние к ним.

Проведя сравнительный анализ некоторых сторон народного характера саамов и русских, было выявлено, что последние более склонны прибегать к агрессивному поведению, более активны. По сравнению с саамами они чаще стремятся активно влиять на другого индивида, руководить, вести, и, вместе с тем, в большей степени проявляют свою зависимость от других, готовность подчиняться. Саами же склонны общаться на основе равенства индивидов, избегают ситуаций соревнования, конфликтов. Ни один представитель саамского народа не участвовал в деятельности органов власти. Можно охарактеризовать общий настрой саамов как пассивность и уход от деятельности. В исторических документах лопарей также описывают как мягких, уступчивых, неагрессивных, покорных.

Процесс утраты национальной культуры обусловлен различными факторами, действующими в течение многих десятилетий. К ним относятся политические, экономические причины. Но, возможно, что существует еще одна, в следствие которой затруднено возрождение и сохранение саамской культуры, - это психологические особенности саамов-присущая им пассивность и уступчивость.

Сложившаяся ситуация является болезненной для саамского населения. В любой не традиционной для саамов деятельности или в необычных условиях они готовы почувствовать себя несостоятельными. Как следствие неспособности удовлетворить требования двух культур у саамов возникает комплекс неполноценности.

В настоящее время происходит процесс ассимиляции, в ходе которого саами постепенно перенимают культуру доминантной группы русских, утрачивая свою собственную. Это способствует отрицательному психологическому самочувствию саамов. Но учитывая психологические особенности саамов: пассивность и уступчивость, можно сказать, что культурное возрождение саамов, если оно возможно, потребует как от них самих значительных усилий, так и помощи со стороны русских.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М. 1990.
2. Борисова Л. Г. Экология культуры и народная экология // Культура народностей Севера: традиции и современность. Новосибирск. Наука. 1989.
3. Кастрен А. Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838-1844. // Этнографический сборник, 1858, выпуск IV.
4. Мухина В. С. Современное самосознание народностей Севера. // П. ж. 1988, 4.
5. Таксами Н. Ч. Роль национального фактора в культурном развитии. // Этнические и социально-культурные процессы у народов СССР. Омск. 1990.
6. Харузин Н. Н. Русские лопари. Москва. 1860.

В. И. МОЗГОВОЙ

ФАКТОР "СТРЕССОУЯЗВИМОСТИ": ВОЗРАСТНАЯ ДИНАМИКА И ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Метою роботи є виявлення фактору "стрессоуразливості" та його структурних особливостей, споріднених із віком та статтю. Було обстежено жінки та чоловіки різного віку (діти передпубертатного віку, підлітки 15-16 років та дорослі). Всього обстежено 151 особа. В дослідженні з'ясовано, що стрессоуразливість може розглядатися як окремий особистісний симптомокомплекс, який має вікову динаміку і гендерні особливості.

Проблема стрессоуязвимости - стрессоустойчивости является чрезвычайно важной. Эта проблема решается в двух аспектах: первое, в аспекте защитно - совладающих стратегий, и второе, в личностном аспекте.

Вывявлены эффективные защитные стратегии совладание с болью, утратой, хирургическим стрессом и т.п. [2,3,5 и др.]. Показано, что существуют успешные, так называемые "ситуативные" механизмы совладания, отвечающие принципу реальности и стилевые, являющиеся скорее характеристикой личности, а не ситуации.

В работах А. Freud [6] и Н. Аар [4] разделяются механизмы защиты на внешние и внутренние. Внешние защиты, подчиняющие-

ся принципу реальности, обозначаются как механизмы совладания, реализующиеся в конкретных поведенческих стратегиях.

Интерес представляет тот факт, что эффективным совладающим стратегиям обучаются, как например, работы Мейхенбаум по обучению парашютистов. Совладающе-защитный подход является чрезвычайно продуктивным и интересным к анализу "стрессоуязвимости".

Личностный подход связан с выявлением некоторых конфликтных, невротических, стрессогенных черт, как таковых, например, тревоги, обидчивости, ранимости и т.п. Совершенно естественно предположить, что тревожный, обидчивый и ранимый человек более стрессоуязвим, чем спокойный, уравновешенный и т.п. Вместе с тем, личностные черты организованы в некоторые структуры и продуктивным является переход от анализа отдельных стрессогенных черт к выявлению некоторых групп личностных черт, предрасполагающих к стрессоуязвимости.

Поэтому, с точки зрения системно-структурного подхода следует выделить такие плеяды личностных черт, которые мы обозначим, как фактор "стрессоуязвимости". Преимущества такого подхода обусловлено тем, что он позволяет выявить семантику стрессоуязвимых черт в определяемую систему взаимосвязи с другими личностными и психодинамическими чертами в рамках плеяды.

Можно предположить, что фактор "стрессоуязвимости" имеет возрастную динамику и гендерные особенности.

Цель настоящей работы является выявление фактора "стрессоуязвимости" его структурных особенностей сопряженных с возрастом и полом.

Были обследованы женщины и мужчины разного возраста, составивших три возрастные группы: 1-я дети допубертатного периода 10-тилет (42 чел.); 2-я подростки 15-16 лет (44 чел.) и взрослые 18-45 лет (65 чел.).

Фактор "стрессоуязвимости" у детей допубертатного возраста, в частности у мальчиков, представлен следующими признаками со значимыми весами: O(+) - тревожность; I(+) - чувствительность; Q3(+) - социальная нормативность; F(-) - озабоченность; Q4(-) - безинициативность. У мальчиков, указанного возраста, наличие мягких, фемининных черт предрасполагает к "стрессоуязвимости". Мальчики в этом возрасте находятся на этапе половой сегрегации, которая представляет не что иное, как маскулинный фильтр. Трудности в усвоении мужской половой роли: мягкость, чувствительность предрасполагают к появлению основной базовой черты стрессоуязвимости или появлению т.н. места наименьшего сопротивления.

У подростков мужского пола было выделено два фактора "стрессоуязвимости". Первый, представлен следующими признаками: С(-) - эмоциональной неустойчивости; Q2(-) - зависимость от группы; F(+)- беспечность; О(+)- чувство вины; Q4(+)- фрустрированность, напряжение; второй, L(+)- подозрительность; О(+)- чувство вины; А(-)- обособленность, отчужденность. Подростковая структура этого фактора имеет новую семантическую окраску: трудности в реализации, нормативной для этого возраста, реакции группирования со сверстниками.

У взрослых мужчин данный фактор представлен следующими признаками: В(-) - низкий интеллект; С(-) - эмоциональная неустойчивость; I(+)- мягкосердечность; L(+)- подозрительность; О(+)- чувство вины; Q1(-)-консерватизм; Q3(-)- слабая воля, плохой самоконтроль; Q4(+)- фрустрация, напряженность; QII(+)- тревожность, переживание внутреннего беспокойства. Семантика структуры фактора "стрессоуязвимости" обновлена двумя признаками: В(-) и Q1(-), что вполне соответствует возрастным особенностям данной группы. Здесь нет подростковой беспечности, зато интеллект впервые приобретает функции компенсации в структуре данного фактора, ригидность также начинает играть стрессогенную роль.

Рассмотрим женскую выборку, которая имеет несколько отличные особенности. У девочек фактор "стрессоуязвимости" представлен такими чертами: В(-) - низкий интеллект; D(+)- беспокойство, нетерпеливость; E(+)- независимость; F(+)- склонность к риску, беспечность; О(+)- тревожность; Q4(+)- фрустрированность, напряженность. Т.о. структура фактора представлена маскулинными образованиями, причем интеллект начинает играть функцию толерантности к стрессу до начала пубертатного периода.

В структуру фактора "стрессоуязвимости" у девочек подростков попали следующие черты: L(+)- подозрительность; О(+)- тревожность; Q4(+)- фрустрированность, напряженность. Подозрительность у девочек этого возраста обуславливает невозможность реализации специфичной реакции группирования со сверстниками, полноценного вхождения в социальные группы, а также сложности формирования границ "Я", аутоидентичности.

У взрослых женщин структура этого фактора представлена такими признаками: В(-) - низкий интеллект; С(-) - эмоциональная неустойчивость; I(+)- мягкосердечность; L(+)- подозрительность; N(+)- проницательность, расчетливость; О(+)- тревожность, Q1(-)- консерватизм, ригидность; Q4(+)- фрустрированность, напряжение; QII(+)- тревожность; QIV(-)- покорность. У взрослых женщин расширяется сфера этиологических факторов стрессоуязвимости, а сам фактор имеет сложную и многомерную структуру. Кроме того, структура этого

фактора сходна со структурой взрослых мужчин. Последнее свидетельствует о некотором подобии этиологических факторов независимо от пола. Специфическими этиологическими факторами стрессоуязвимости у женщин являются проницательность (N) и покорность QIV.

В вышеописанном исследовании признаками стрессоуязвимости является универсальная связка O - Q4 (тревожность, фрустрированность), которые являются первичными факторами опросника 16 PF Кеттелла.

С целью уточнения и более глубокого исследования факторной структуры симптомокомплекса "стрессоуязвимости" мы выбрали коэффициент нервно-психического напряжения (НПН), определяемый с помощью методики Т.А.Немчина [1]. Кроме того, мы полагали, что симптомокомплекс стрессоуязвимости составляют не только личностные черты, но и психодинамические черты. В качестве последних мы выбрали параметры "экстраверсии-интроверсии-нейротизма" (методика Айзенка). Исследование проводилось на группе психически здоровых девушек 18-ти лет. В табл.1 приведена соответствующая матрица.

Таблица 1

Факторная матрица структуры личностного пространства девушек 18-ти лет.

Возраст. группа	ФАКТОРЫ				
	1	2	3	4	5
девушки 18 -ти лет	A.C.E.F.G.H.N .O.Q1.Q2.Q3.Q II.QIII.QIV.AE	C.I.L.O.Q1 .Q3.Q4. QII.NEM	G.M.QIV. AN.SC	G.I.Q3. QIII	B NEM

Второй фактор данной матрицы можно интерпретировать как симптомокомплекс стрессоуязвимости, т.к. нагрузка по признакам :

NEM(.58) - признак НПН; O(0.83) - тревожность; Q4(0.89) - фрустрированность, напряжение - очень высока. Причем, психодинамические показатели не вошли со значимыми нагрузками в этот фактор. Факт отсутствия в симптомокомплексе показателя нейротизма требует дальнейшего дополнительного анализа и изучения. Структура фактора в целом совпадает с вышеописанной. Кроме того, мы получили подтверждение, что высокий интеллект является качеством определяющим толерантность к стрессу (фактор 5).

Таким образом, в настоящем исследовании выявлено, что стрессоустойчивость может быть рассмотрена, как отдельный симптомокомплекс личностных свойств, имеющей возрастную динамику и некоторые гендерные особенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Немчин Т.А. Оценка нервно-психического напряжения, астении, сниженного настроения //Практикум по экспериментальной и прикладной психологии. - Л.: Изд.-во Ленингр. ун-та, 1990. - С.130 -142.
2. Психологическая защита: Метод. рекомендации для врачей. Сост.: А.С. Кочарян, А.Т. Филатов, Г.С. Кочарян.- Х., 1986.-30 с.
3. Cohen F., Lazarus R.S. Active coping processes, coping dispositions and experimental perspectives. Ed. by M. Weisenberg.-Saint Louis: The C.V. Mosby Company, 1975.-P.221-302.
4. Haan N.Coping and defense mechanisms related to personality inventories //J. of Consulting Psychology.-1965.
5. Sjoback H. The psychoanalytic theory of defensive processes. A critical survey.-Lund:CWK Gleerup,1973.-297p.
6. Freud A. The ego and the mechanisms of defens.-L.:Hogarth press,1948.- 196 p.

Е.А. НЕВОЕННАЯ

ДИНАМИКА ПРОИЗВОЛЬНОГО ЗАПОМИНАНИЯ И ВОСПРОИЗВЕДЕНИЯ У ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ЛАБОРАТОРНОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ

У статті вирішено практичні задачі вивчення динаміки запам'ятовування та відтворення в лабораторному експерименті. Для цього була використана методика З.М. Істоміної, згідно якої було проведено п'ять серій лабораторного експерименту.

В наших работах, посвященных проблеме развития произвольной памяти были изложены результаты сравнительного изучения у детей-дошкольников процессов произвольного и непроизвольного запоминания и воспроизведения с данными полученными 50 лет назад /1,2/. Было показано, что в ходе исторического развития общества произошли изменения в развитии произвольной памяти дошкольников. Нами был дан количественный и качественный анализ продуктивности запоминания и воспроизведения, Включенных в выполнение разных видов деятельности (лабораторный эксперимент, игровая деятельность, выполнение поручения взрослого) в разных возрастных группах. Особое место в работах уделялось характеристике тех способов, приемов, которыми пользовались испытуемые.

Одной из практических задач исследования было изучение динамики произвольного запоминания и воспроизведения в лабораторном эксперименте. Полученные результаты исследования динамики процессов памяти позволили нам во-первых: проанализировать особенности произвольного запоминания и воспроизведения под влияни-